

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1926
N° 23

“МОЛОДАЯ ГУАРДИЯ”

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

И. Султанову (Тифлис).—Над утешить. Пишите очень сплох. Тема первого стихотворения поставлена неправильно—полное отрицание природы невозможна. Но говорится фразой: «призы» с «медин». Напишите не скромно.

О. Енику и У (Москва).—В своих первых письмах я, честерческ напроще, изложил мнение о различных представлениях. Судите сами, не подождут ли такие выражения и строки какой-либо «адской лирикой»: «сан жаль, «проклятия насытят», «мыскуши тромы», «взглы раздраженных лиц», «единый вал на бежал и бушевал, и рвался, и метался, и в пене удали кроющие кусал». Плохо то, что эпитеты в вас крайне мертвые, машинально произносимые: «стильная заря», «былое разрушеное», «минувшая ночь», «последние станки», «дрожденный хаос», «бумажные» и т. д. Это болезненное художественное вычленение.

Простота, спокойствие и сосредоточенность—отсутствуют у вас качества.

Д. Лесному (Н. Новгород).—В ваших стихах цель не отметить содержательности и свежести на-

строений. Есть и хорошие слова. Не вполне справляется с композицией в целом, не вполне владеет уязвкой строфы. Например, нет синтаксической правильности в соединении: «Я—стихами, друг—в узком, Мильада—в яичной заводской» (В первом случае—чем, во втором и третьем—где). Неудачно—«девы», плодо-объединение в «спине-звезде» и пр. Нулю также отказаться от доли выразительности. Работайте и придумывайте еще.

Б. Панфилову (Волгоград).—Писец «Счастье и Свобода» в «Смене» напечатать не можем, передали с просьбой дать вам ответ в Москву. Ассон. Драмат. Писатель.

А. Градскому (Москва).—Ваша стихия проникнута нездоровьем, тревожным настроением, вторично развертывает какую-то любовную мелодраму. Злопотребление «сугубыми словами». На таком уровне защищаемость нет смысла. Выдергивайтесь из этого состояния, растягивайтесь и для начинания новой навстречиности тем—псевдо-драмы.

И. Кутасову (Остров Революции).—Поменяйте свои стихи в газете, для печати они слабы.

небудь возьмется за это дело. Да и зачем это?

Б. Степанову.—Чем обясняется появление моршины на лице и мешков под глазами в 17-летнем возрасте?

Случай прежесвременного появления моршины должны быть обяснены наступлением прежесвременной старости, что в свою очередь обусловлено нарушением нормальной деятельности организма, желая внутренней гармонии (потовидные, половые, наружные). Мешки же под глазами могут быть вызваны воспалением почек. Необходимо исследовать почки, посоветуйтесь с врачом на месте.

8) Гомель, комсомольцу А. дарре и т. д.—Отчего у нормальных людей бывает беспричинный упадок настроения?

Упадок настроения, апатия ко всему и понижение жизненного тонаса всего организма может являться, как следствие неврастении и общего переутомления организма. У женщин это часто связано с наступлением менструального периода и имеет видоизмененный характер, при котором подъем сил, настроения, памяти и психической деятельности и т. д. Необходимо гигиеническим расширением (перераспределением труда с отдыхом и сном, нормальное питание, общее укрепляющее лечение, занятия физкультурой).

9) Гор. Николаевск, Стальноградской губ., Гор. обнинск.—Отчего бывает фурункулез лица, угря и как от них избавиться?

Если вы страдаете фурункулезом—необходимо, наряду с общим укреплением организма, хорошим питанием, употребление железа с мышьяком и прием внутрь жидким дрожжей (по 1 столов. ложке 3—4 раза в день). Не выдавливайте и не торопите рукачи прыщей. Вы перенесите их с места на место,

на лечение угрей см. № 7 журнала «Семья и наука» за 1926 год.

10) С. Барским.—Чем объясняется багрово-красный цвет лица после пребывания на улице?

Багрово-красный цвет лица (если можно исключить багрово-красный цвет лица у алкоголиков) является результатом предвестника обморока, который когда-то назывался «шоком». Необходимо перед выходом из дома смазывать нос кислотой-пинцетом (гусиным салом).

11) Е. М. Ж.—Об употреблении перекиси для уничтожения волос.

Во-первых, мы не советовали

использоваться для уничтожения ткацких и, только лишь для обесцвечивания черных волос, резко выделяющихся на коже, и во-вторых, мы имели в виду не обесцвечивание перекисью водорода, а так называемую перекись водорода, или 40% перекись водорода, которой черные волосы окрашиваются в золотистый цвет и становятся мало заметными.

12) Гер. Полтава, Октябрьская, с. Г. Генико.—Вы правы, конечно, что страдаете неврастенией и макровием, при том, думаю, тоже формой неврастении. Вам необходимо показаться хорошему врачу невропатологу (по первым болезням). Что же можно вам посоветовать, пользуясь только лишь вашими данными? Булите побольше в общем, поправьте свое питание, если позволяется, каким-нибудь диетическим кружком, мусакой и т. д. Попробуйте бывать на свежем воздухе, и тут же перед сном, обрайтесь спать дважды 2 раза—утром и перед сном вечером—тако тело соденит раствором комнатной воды (1 столовая ложка соли на кружку воды), и пропитайте им ненужного брюстистого прессата (по назначению врача).

Разгадка ребуса, помещенного в № 21: «Прогулки бывают по прошествии».

Т. Т., приславшие верный ответ на ребус, помещенный в № 21: П. Ерзев (Муромец), Сидоров, Репях и Лященко (Литвин) и А. Бармин (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ:

- [Л. Б. Красин] — М. ДОРОГОМИЛОВ—Тайна дивного чистилища. М. ПРИШВИН—Сердце зимы. ПЛЕНУМ ИКИИ. Проф. И. БОРОЗДИН—И тымы веков, Э. НОРОВ—О семье настоящего, прошедшего и будущего. Б. ГРОМОВ—Гранит бурикозного спорта. П. ЛОПАТИН—Хлебный завод. Прив.-док. МЕЛИК-ПАШАЕВ—О скраплатине. М. КАМЧАДАЛЬ. Взгляды. Билет. Стихи: А. БОРОХОВИЧ, Р. РАВИЧ и М. СКУРАТОВ.

Иллюстрации: ЕФАНОВА и ХРАПКОВСКОГО.
Снимки: Руссофото и «СМЕНЫ».

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/8 Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются; написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

издание

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ДЕПИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
из-под МОЛОДАЯ Гвардии"

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год	— 24 том.	4 руб. 10 коп.
6 мес.	— 12 том.	2 руб. 20 коп.
3 мес.	— 6 том.	1 руб. 15 коп.
1 мес.	— 2 том.	50 коп.
Отдельный №	—	25 коп.

Подписку принимает Отдел Periodических изданий Из-ва "Молода Гвардии".
Москва, новая площадь, д. № 6/8.

№ 23

ДЕКАБРЬ

1926 г.

ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ КРАСИН

Один за другим сходят в могилу преданные революционеры, лучшие сыны нашей партии, незаленимые руководители нашего рабочего государства, близкайшие друзья и сподвижники Владимира Ильича.

Еще свежа земля над прахом товарища Дзержинского. Еще не снят траур, не притупилась острая боль утраты, как снова тяжлая, скорбная весть — о смерти Леонида Борисовича Красина.

Свыше тридцати пяти лет жизни отдал товарищ Красин революции в рядах рабочего класса, в рядах большевистской партии.

В дореволюционное время он был членом ЦК партии и одним из лучших подпольщиков партии, выполнявшим самые рискованные и опасные конспиративные предприятия. Он ставит в городе Баку трудное дело перенесения и размножения запрещенной газеты «Искра». Он руководит транспортировкой через границы литературы, нелегальных товаров, оружия. Накануне 1905 года он действительно участвует в подготовке к вооруженному восстанию. В то же самое время он с большим успехом достает средства на партийные нужды. Владимир Ильич называл его в ту пору своим «министром финансов».

Революция использовала исключительные таланты, энергию, образование и специальные знания (он был выдающимся электротехником) тов. Красина.

Важнейшая заслуга товарища Красина за период Октябрьской революции — работа его по упрочению монополии внешней торговли. Ленин был творцом монополии

внешней торговли, а Красин — его ближайший соратник, который блестящее воплотил в жизнь этот ленинский лозунг — важнейший орудий Октябрьской революции.

Он был первым чрезвычайным уполномоченным по снабжению армии в 1918 г.

и одним из первых наркомов путей сообщения в момент тягчайшего раз渲ла транспорта.

Вместе с тем, Л. Б. Красин выявил себя блестящим дипломатом, с достоинством и успешно отстаивавшим интересы Советского государства перед лицом капиталистических правительств.

Он — участник важнейших переговорных конференций: Генуэзской и Гаагской. Он заключает первые договоры, привнеся колоссальную проволоку блокады, с Эстонией и Англией. В последний год он — полпред во Франции, а затем — в Англии.

На XIII и XIV съездах партии т. Красин избирается в состав ЦК.

Бодростью и радостью звучит его посмертная статья, написанная за двадцать дней до его кончины. В ней он пишет:

...Мы никому не кланяемся, мы независимы ни от каких лиг и других обединений, мы руководствуемся только интересами рабоче-советского государства и великого мирового движения, которое оно собой представляет... Наша бедная и некультурная страна быстро идет по пути превращения в богатую и культурную страну. Мы идем при этом путями, указанными нам Лениным, путями, направленными к организации социалистического производства. На этих путях мы додоим и перегоним капиталистическую Европу...

Склоняя голову перед памятью товарища Красина, будем достойны тех слов, которые он, уже лишенный большей части своей крови, писал нам, молодежи:

...Все больше и больше смерть отнимает у нас сподвижников и соратников Ленина. Но уже идет гигантская молодая поросль, идет смена, которая не только полностью возьмет на свои плечи, но и во многом разовьет и усилит нашу работу».

ТАЙНА ДВОИЧНОГО СЧИСЛЕНИЯ

М. ДОРОГОМИЛОВ, рисунки М. ХРАПКОВСКОГО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Запарившийся в завклубом

Заводящий клубом, Сашка Галкин, сбежал с ног окончательно. Ребята, засевшие в зале, рукоплесканиями, пением, топотом ног требовали начала лекции, а лектора не было; изогранизованные слободские, несомненно, выпищали, потому что дверь уборной поминутно хлопала, и оттуда, деловито жужжа, шмыгали мутноглазые ребята, при разговоре воротившиеся в сторону рты. Кое-где по углам уже визжали девчата; в воздухе пахло неприятностями, скандалом, дракой... Входную дверь громили чи-то кулачи: очевидно, дежурные с боями с трудом вышибали напор узников. Тяготясь водителями, гордыми Сашко, физиономиям почём посыпалася на препятствия так же, как мячи. На каждом шагу его останавливали, спрашивали, что-то требовали, доказывали, убеждали; Сашка секунду ошелоело смотрел на остановившего, потом отпихивал его локтем и колбасой несся дальше: сашкин мозг с трудом удиржал основные задачи, а о мелочах задумываться было немыслимо. Одна из этих мелочей следовала за Сашкой по пятам: то был мрачный руководитель драмкружка—Иван Иваныч, кондуктор Станции остановки. Иван Иваныч, краем рта сразу налетав на него всем корпусом и вежливо извинившись: Сашка обещал ему пятерку в счет заложников, пятерку у Сашки не было, он не знал, где ее взять, а у Ивана Иваныча занятия по случаю лекций были отменены, и ему только и оставалось гоняться за обездвиженной пятеркой. Самое же неприятное было то, что, на вечер пришел секретарь укома. Секретарь был парень хороший, относился к клубу благожелательно, и тем более хотелось, чтобы все

было на языке: но как на зло, вечер случился из неорганизованности, но Сашка невозмутимо взял сянь пальто и, внутренне трясясь от страсти, поднялся лектора на сцену.

— Сашка!! Чорт! Палкин! Стой на минутку! Да стой же!!—Сашка остановился, через двинувшуюся дверь, через серый табачный дым прондрилась Варвара Силинина; и тотчас же над самым ухом Сашка очутился горячее дыхание Ивана Иваныча.

— Ну? Фу!! Чего тебе? Некогда,—сказал Сашка, утирая рукающим пот.

— Да, видишь, какая штука, запада у нас в химкружке выступление, а ни Громова, ни Петухова нет; Громов, говорят, в Москву уехал, а в Петухова в кафарах занятия, и я, чорт знает, прямо не знаю что делать,—без передышки затараторила Варвара, с надеждой пучка глаза снизу вверх на Галкина.

— Ничего сделать не могу, времена покажет, подожди до завтра, как-нибудь выступим, в случае чего...—Сашка не договорил и, отодвинув Силину вон, выступил вниз по лестнице, и вон из химкружка, выстрелив в лицо громовым ударом кулаком.

Чтобы лектора нет еще??—оттолкнула кронштейн дежурному,—тот покзал плечами; Сашка хотела ринуться обратно, но в ту же секунду бас из-за двери, покрякав шум и грохот, прорвал:

— Да отопrite же, двери бас вор, прите письмо!

Дежурный напер левым плечом на одну половинку двери, с трудом вырвал крюк, и тотчас же в дверь полезли чы-то головы, чы-то руки цеплялись за притолоку: «пустите, какого, в самом деле, чорт»... Волосы просунулись головой в бороду, в бороду в волосы, в волосы в изобретенном русике кувшину смытое письмо. Сашка подхватил его и сейчас же стремительно, и в один промежуток времени ворвавшихся вместе с мордами паром ребят был вброшен в коридор. Сашка скрипах дежурного за руку, стараясь не повышать голоса: «енекуда, поймите, некуда, ноги не удастся негде», — и по-прежнему ворвавшихся обратно.

— Саш-ка-а-а! Сынь скопей! — раздались крики сверху.—Здесь дракааа!..

Сашка бросил дежурного и удалился квокру. Несясь по лестнице, набегу взглянул на письмо: конверт был грязен и засален, можно было разобрать: «Сашке Г...», дальше было неразборчиво, Сашка сорвал конверт, но письмо про честь не успел...взвызя, разнимая, в самую гущу драки; ему попало кулаками в плечо и в затылок, подоспели активисты—и драка была разогната. Тяжело дыша, с крупными каплями пота на лице, Сашка снова понесся к выходу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Непонятное письмо

— Что, не ладится у тебя сегодня, товарищ Галкин?—ласково остановил Сашку секретарь укома.—Ну, не падай духом, раз на раз не приходится. Что, завтра кружки выступают? Кажется, химкружок в первом ряду?

— Да, хорошо, что сделано!—ответил Сашка.—Фу, а в голове что-то крутилось, так запанировалось. Опыты какие-то, чтото...

Надо бы притти...затянуло сказала секретарь у меня. Так химкружок интересуюсь. Только задание у меня. Да как-нибудь выясню...

— А может и ничего не выйдет,—вспомнил Сашка.—Двух товарищей из химкружка почему-то нет... А другие выступления обязательнно будут.

— Сашка!.. Лектор приехал, —рассказывал по всем коридорам снизу. Сашка бросил секретаря, ринулся вниз, встретил лектора. Раздеваясь, лектор сердито ворчал на толкотню и

неорганизованность, но Сашка невозмутимо взял сянь пальто и, внутренне трясясь от страсти, поднялся лектора на сцену.

Ребята мгновенно набились до отказа в зал при появлении лектора: затихли. Сашка, отвяжась, вышел в коридор и вскинул руку: вытащил смятый листок из кармана, —который был, очевидно, брошен вполыхах,— и с удивлением прочел:

ВЗТЫ 8 НКЕ
КТИМУ 8 РЮА
СЕТ 162 ДЛРД.
ОЕАЛРД 16 ЕИ
ЦНОСАНТ 68 Д
ОТВНДАОБ 136
ОССДВА 34 ОТ
АВАЕТ 17.

— Что за чорт?—спросил Сашка всухомяки.

— Это шифр,—ответили сзади; Сашка оглянулся, —увидел Ивана Иваныча, с досадой испомянул пятерке, спросил:

— А как это расшифровать?

— Видите... сразу на это ответить нельзя...—сказал руководитель.—Если подождете—займусь, какой это дурак писал?—глупо напомнил Сашка.

Да, как же?—спросил Серегин.—Если хотите пробуйте. Да вот Серегин идет! Серегин, три драны, какую-то прислал, может же я распечатать, глядя.

Серегин был изненаданный, горький и серый паренек, один из самых серьезных активистов клуба. Горьбатые люди былиают или ехали остроумными или полными какой-то внутренней, вишающей двери глубиной; Серегин принадлежал ко второму типу горбунов.

Подойдя к собеседникам, Серегин взял письмо, поглядел, спросил:

— Ну, и что?

— Да вот, Иван Иваныч разбрать хочет желает ли помочь? А мне некогда.

И, не дождавшись ответа, Сашка, сунув письмо в карман, внутренне раздраженный, поклонился по комнатам, вышел в коридор.

Ну, как же мы?—спросил Серегин.—Да на Ивана Иваныча умышили малечки газами... Давайте по отдельности, вместе, пожалуйста, стоит.

— Я сейчас сниму пыльку,—мрачно согласился Иван Иваныч. Он вытащил карандаш и блокнот, тщательно срисовал письмо, подал Серегину и пошел в пустую и тусклую помойную

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Серегин взял письмо

Серегин внимательно осмотрел письмо со всех сторон, некоторое время постоял в коридоре, вытирая голову, точно прислушиваясь к четкому голосу лектора, доносившемуся из закрытого зала, потом быстро пошел в читальную.

В читальне было пусто, но, конечно, Саша могла глядеть портреты юродивых, красные стулья чинно и гладко управлялись книжками-шифрами. Кое-кто из ребят сидел, уперевшись в колени, в голове, в спину, в бока.

Помешавшись с дежурной библиотекаршей, Серегин приступил к раскрытию по шифрам. Он выхватывал книги, лихорадочно их пересматривал, ставил опять на место. Навалив очередную тучу книг на стол, Серегин зарылся в них на целый час, но, видимо, не найдя того, что искал, сунул пыль в груду в шкаф.

Маленький, быстрый и горбатый, Серегин своими лихорадочными действиями скоро обратил на себя внимание шахматистов. И очень удивились они, когда вдруг Серегин первым поднялся и сказал:

— Кончилишь?

— Нет, конечно,—сказал один из шахматистов.—А ты что, срывайся хочешь?

— Да нет, моя доска пухла.

Шахматисты быстро донесли партию и отдали доску Серегину.

Серегин взял пустую доску, отошел в сторону, вынул бумагу и карандаш и принялся чертить какие-то знаки. Занятовесенные шахматисты незаметно подивились все близко в блокноте, пока Серегин не сказал:

— Уйдите к чорту, ребята, у меня тут

серьезное дело, а вы мешаете!

Шахматисты оторвались, но из читальных ушли.

... из раскрывшейся щели втянуло испущенное, жмуриющееся от страха женское лицо

А, знаете Галкина? — это хорошо. Вот. Употребляется разными теми жуками, ворами, вообще преступниками кислород или нет?

— Да. Кислород употребляется... для взлома, главным образом. Кислород распределяет молоты.

— Вот-вот, — обрадовалась Серегин, — я так и знал. Теперь: в чём его хранят и можно ли получить его без особых затруднений?

— Нет, конечно, получить тоже с трудом можно, из Москвы не доставляют. А хранят в обычных магазинах.

— Ну, вот, — уверенно сказал Серегин.

... мы получили сведения, что завтра назначено какое-то преступление, взлом, очевидно, и кислород будет доставлен на Советскую улицу, в дом number тридцать два.

А как от этого стало известно?

Серегин подал дежурному записку, пояснил при этом, что она — результат расшифровки.

— А кому был доставлен шифр? — спросил дежурный.

— Мне, — быстро ответил Сашка. — То есть не мне, а в клуб. Должно быть, не мне, — только распечатал.

— А конверт где?

— Бросил, понимаете, — с сожалением отвечал Сашка.

Эх, ребяташки, разве так можно, — укоризненно сказал дежурный.

— Кому было, все-таки, адресовано письмо? — спросил дежурный.

— Написано было «Сашке Г», а дальше я не разобрал, — ответил Сашка. — С ручательством не могу сказать.

— Эх, вы! — Дежурный презрительно усмехнулся.

— Ну что, товарищ, смешайся? — обозлился Сашка. — Пода-ка, побудь у нас в клубе. Смеяться-то легко, а там глаза на лоб вылезут, не то что смешаться. Одних приписаных к клубу восьмьсот человек, и все ходят, а тут еще слободские дезуты без передышки, всех надо заставить... Письмо грязное, сунул какой-то красноармейца и ушел.

— Красноармеец? — переспросил дежурный и, ласково глядя на Сашку, добавил: — А ты не сердишься, товарищ Галкин. Приносите исполненные данины, а горячку порошечку нечего. Ну ладно, сейчас попрошу сюда агента.

И он принялся ожесточенно крутить ручку телефона.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Дом тридцать два

Невинчивый агент угрозинка внимательно прошел записку Серегина, расспросил дежурного и Галкина и решил немедленно проверить домовую книгу дома номер 32 на Советской улице. Ребята попросили разрешения или вместе с ним, все трое двинулись в путь.

Шаги по ночной морозной улице раздавались гулко и протяжно. Сумрачная предутренняя

тумба висела над домами, пустынная улица, казалось, таинла в себе опасности и тайну.

Дом тридцать два на центральной улице Советской — был большой, двухэтажный и старый. На подошках он глядел темными окнами мрачно и равнодушно, словно хотел сказать: «внутри меня — тайна, да не вам ее разгадать». Агент подошел к запертым железным воротам, внимательно их осмотрел и дернул за ручку звонка.

— А, ведь, тут Петухова ждет! — внесапно сказал Сашка.

— Какого Петухова? — спросил дежурный агента.

— Егора Петухова, нашего клубиста, он в Красной армии в завод командирует.

— А живет он где? — в Казармах, конечно, а тут его мать живет.

К воротам со стороны двора кто-то подошел и, зевая, спросил изнекинским голосом:

— Что надеть?

— Отопри-ка, тетенька, дело есть, — отвётил агент.

— Какими таки дела... по ночам? — спросила тетенька, уже строго сказав агента. — Я — агент угрозинки.

Да кому доводилось таини.

Тотчас же затремпела цепь, запиралась болты и из раскрывшейся щели глянуло испуганное, жмуриющееся от света женское лицо.

— Да что вам надо-то?

— Говорят, книгу домовой таини, да быстрей. Просмотреть домовую книгу, агент спросил:

— Ты — дворничиха? По книге все правильно отмечено?

— Да правильное, батюшка, правильно.

— Никто не приезжал за последние два месяца?

— За два года, батюшка, никто не приезжал.

Я не понял, что ты меня батюшкой величишь. А Петухова в каком номере живет?

— Это Агафья-то? В седьмом, батюшка... го- соедини товарищи, в седьмом.

Чем занимается?

— А на подиуме ходит — постирать там или что.

— Ни в чём не замечена?

— Не замечена, ни в чём не замечена.

— Ни, подиуме, ни в чём не замечена.

Ворота скромненько захлопнулись, агент отвел работ в сторону, сказал:

— Ничего не понимаю. Или все это — глупая шутка или нужно продолжительное наблюдение. Во всяком случае, будет что-нибудь подозрительное — сообщите.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Двоичное счисление

— Как же все-таки прочел записку и что там было написано? — с интересом спросил Сашка Серегина, когда они расстались с агентом.

— А это математика помогла, — с гордостью отвётил Серегин. — Хочешь расскажу? Кстати кое мое, сейчас все равно ложиться не стоит.

Нервы были извины, сон давно прошел, поэтому Сашка решил поговорить с Серегином, который имел тоже часы, — подумал.

Ну слушай лекцию! — шутливо сказал Серегин, захватив дампу и присаживаясь к деревянному столу. — Только будем говорить things, а то у меня брат спит. Ты ведь, знаешь, конечно, что мы все считаем на десятках, сотни, тысячи и так далее. И цифры пишем так же: десятки левой единиц, левой десятков — сотни, там тысячи и так далее. Это называется десятичным счислением и т. д. Десятичное счисление произошло от наших десяти пальцев. Вполне понятно, что двое люди сравнивали количество предметов, приводя в соответствие своих пальцев. С того и пошло. Но можно считать иначе. А главное, для нас с тобой — это,

что можно писать цифры по одному на бумаге. Есть, например, двенадцатичное счисление и шестидесятичное счисление. Но мы на них сейчас останавливаться не будем. Для нас с тобой сейчас важно двоичное счисление.

В этом счислении только две цифры: один и ноль. И посредством этих двух цифр можно написать какое угодно число. В двенадцатичном счислении каждая цифра, написанная левой предыдущей, в десять раз больше этой предыдущей!

А в двоичном — всякая цифра, напи-

санная влево от предыдущей, будет вдвое больше. Например, в двоичном счислении 10 будет равняться в двойке, потому что ничему не равняется, а один, а на одну цифру влево, есть уже не один, а два.

— Да как будто понимаю, — ответил Саша. — Только мне непонятно, при чем здесь письма?

— А потогоди, дойдем и до письма. Я сначала пропишу, понял ты или нет. Я вот пишу

111.

Какая это, по-твоему, цифра при двоичном счислении?

— Семь? — неуверенно спросил Саша полузасыпая.

— Совершенно верно, семь, — подтвердил Серегин. — Один плюс два, плюс четыре, спираль налево, все время удавливай. Вижу, что пишется

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Закодированные цифры

— Составим теперь для большей наглости таблицу цифр по двоичному счислению, — продолжил Серегин и написал на листе бумаги:

1	равняется 1
2	10
3	11
4	100
5	101
6	110
7	111
8	1000
9	1001
10	1010 и так далее.

— у, теперь я понял, — сказал Саша, вспомнившись в таблицу. — Только все-таки виши, какое отношение имеет к письму?

— Большое. Для двоичной системы письма не прочесть.

Серегин вынул таинственное письмо из пиджака и показал его перед собой.

— Видишь, illness цифры?

— Иван Иванович говорил — они для глаз глиз.

— Ну, нет, брат, они большие заслуги имеют. Напишем их по двоичному счислению. Получается:

82	равняется 1	0	1	0	1	0	1
8	1000	1	0	0	0	0	0
16	10000	1	0	0	0	0	0
68	100000	1	0	0	1	0	0
136	1000000	1	0	0	1	0	0
34	10000000	1	0	0	1	0	0
17	100000000	1	0	0	1	0	0

Теперь отложим на минутку эту таблицу в сторону и займемся буквами. Когда я зайду в клуб, мне сразу броситься в глаза их количество: шестьдесят четыре. Как же можно я люблю шахматы и шашки, и я решил сделать совпадения количества букв в алфавите с количеством квадратов доски. Когда я это засчитал, я был уже недалек от решения задачи.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Магическая скатка

Из куклы бумаги на столе Серегин выплыл одну с изображением большого квадрата, разделенного, подобно шахматной доске, на шестьдесят четыре клетки. По клеткам этим, в порядке их расположения в таблице, были расположены буквы

в	з	т	а	с	ь	и	к	е	к	т	и	м	у
р	у	а	с	т	д	л	р	д	е	й	и	о	с
р	д	о	е	и	л	р	д	е	й	и	о	с	а
т	д	о	т	в	и	д	а	т	д	о	т	в	и
о	в	о	с	е	с	в	а	о	в	о	с	е	с
а	т	а	т	а	т	а	т	а	т	а	т	а	т

— С пропуском цифра, разумеется — она Серегин — я написал в этом порядке все буквы письма. Осталось решить, какое отношение имеет к буквам цифровая таблица, написанная в двоичном счислении. Тут я сначала нарисовал на прописи: в цифровой таблице оказались только пятьдесят единиц и нулей, а всего в шестьдесят четыре. Как быть? Порядком это ломало мозг, и в итоге, пока не было мысли добавить слева в четырнадцать букв. В самом деле, при всjom счислении слева в каждой цифре можно добавить сколько угодно

ы, цифра от этого не изменится. К первой строке цифр я приписал один нуль, ко второй — еще нуля и т. д. Теперь у меня получилось шестьдесят четыре цифры, столько же, сколько букв:

0	1	0	1	0	0	1
0	0	0	0	1	0	0
1	0	1	0	0	0	1
0	0	0	1	0	0	0
0	1	0	0	0	1	0
1	0	0	0	1	0	0
0	0	1	0	0	0	1
0	0	0	1	0	0	1

Добившись этого результата, я удалил из чистых домов и, в полной изнанке, еще раз разбогател задачу. Тщательно приготовил новую таблицу: буквенные два столбца и цифровую таблицу клеток с пугающими, и другой — с единицами. С замыкающим столбом наложил на очереди полученные таким образом сетки на буквенную таблицу. Предстало, что я прочел осымленные слова, когдаложил сквозь прорезанные единицы. И даже записался от радости: брат думал, что я сумел. А я продолжал исследование дальше через пять минут прочел все письмо.

Показал мне все-таки, как ты его читал? — спросил Сашка. — А то я не совсем ясно тебе представляю.

Сергент осторожно и аккуратно развернул эти бумаги с расчерченным на подобие шахматных полей большим квадратом и с вырезанными в разных местах шестидесятю клетками.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ Содержание письма

— Вот, гляди, — сказал Сергент, — и наполни сетку на буквенную таблицу... Большая часть букв была занята слэпами, невырезанными клетками... сквозь вырезанные клетки всплыли буквы, составляли:

— 3 — т —
— р — а — д —
— и — е — с —
т — в — —
— о — в —
— а — т —

— «Завтра действовать», — прочел он. — Чорт, как интересно! — А дальше? — уточнил мах по маслу. Я вернулся в так, пока не получила опять слова в слишком. Это случилось тогда, когда я повернула сетку налево, против хода часовой стрелки, положив ее боком. Вот что получилось, читай: «и немедленно достать...» Дальше повернула сетку против первоначального положения краев, наклонила на буквы по так: читай: «в кислород на соня». Повернула сетку дальше в том же направлении, против хода часовой стрелки, и прочтешь: «т с ку то ридать да!». Таким образом, в шифрованном смысле написано:

Зантра действовать.
Немедленно достать кислород
на Советскую тридцать два.

А потом я, конечно, заснул спокойно спал Сашка. — Намедни будоражительно сограницивать математическую кружок. Только некогда все... Попашлось за день не успеши, так, головной, и взыскался на койку... Только какие же это жулики час в клубе завелись? И кому это было письмо? — Ну, жулики-то куда хочешь проникнут, — твердо ответил Сергент. — Записалася какаки-нибудь в клуб для отвода глаз: все, как-никак, член клуба, подозрений мы не имеем. А дальше что? — Я не знаю, — отвратительно со вздохом, — нужно было экстренно доставить кислородный кислородную распределять, но вот и шахматная письмо, зная, что он в клубе. А кислород наверно хранится у него, у того типа, который у нас в клубе записан...

— Сашка Аристов? — это парень надежный, детства его знаю, — соображал Сашка. — Сашка Чебыкин? — тоже нет! На заводе чуть не сбежала, в Красную армию добровольцем ходил. Нет, не могу додуматься... Этого-нибудь из них! Как по-твоему?

— Ну, уж не знаю. На восемьсот человек

столиц Сашка, что пересчитать их — не только звучит, а и шестидесятого счисления не хватит. Давай-ка спать. Оно хоть и воскресло, а все же поспать надо.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Килькин найден

Воскресный показательный вечер обещал удачей на славу: физкультурники были в сбое, их голубые масти и красные туники мелькали во всех углах; драма-кружок приготовил какую-то сношегшибательную живую газету, некоторые из ребят уже загримировались и бегали в бородах и париках. Но с химкружком дело было иначе: ни Петухов, ни Громов пока не пришли, и Варяка Силия неоступно висела на Сашке отчаянно моля помочь. Сашка в химии ничего не смыслил, клял Петухова и Громова, на нем свет стоял и виноград секретера укома охмурял только руками развел. Но около восьми часов по коридорам раскатывалось:

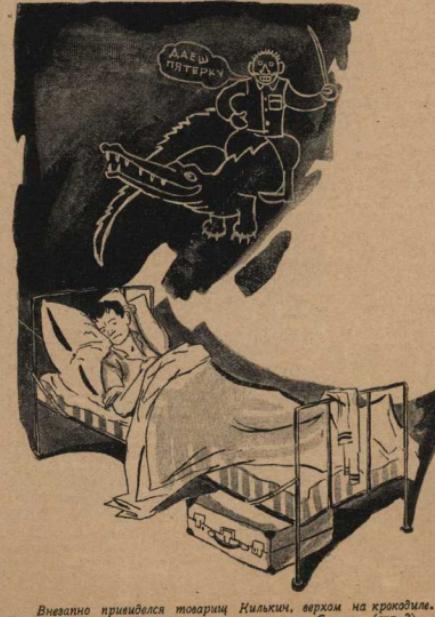
Вары-ка! Сили-наа! Громов пришел, тебя и-щеет!

Варяка сорвалась с места и стремительно ринулась прочь. Сашка от удовольствия потер руки: очевидно, и с химии дело налаживалось. Вечер начался ровно в восемь, и в этот момент, выступление физкультурников прошло успешно: учащийся второго курса Петухов и других ребят втащил на сцену стол и приборы и только что нопросил раздвинуть занавес, как на сцену в красноармейской шинели влетел Петухов. Занавес был уже открыт, поэтому Петухов наскоро пошутил с Громовым и затем обратился к набившимся в залу ребятам:

— Простите, товарищи, занималася может, нескладная скажу, сейчас только сущенко дежурства. Мы с Громовым похожим вам несчастия опять которые, может, даже имеют антипролетарское значение. Но главное дело не в этом. Мы с Громовым даже от других по секунде, от своих же товарищ на химкружку, решили, конечно, показать сегодня особенно интересные опыты со скатым воздухом. Однако, ни одна из этого дела не вышла. Громов едва кислородом в Москву и, оказывается, сейчас только вернулся и ничего не достал...

— Ну, кой же чорт шифрованное письма писать? — раздразнился из зала.

— Это кто — Серегин? — проникнулся Петухов. — Прочел? Ну, молодец! Мы с Сашкой Громовым для практики переписываемся... Итак, товарищи...

Внезапно привелся товарищ Килькин, верхом на крокодиле, с саблей в руках. Килькин ехал прямо на Сашку... (стр. 3)

У МОГИЛЫ ЕСЕНИНА

В гости я пришел к тебе, Серега,
Рассказать о звонких днях моих,
Как трудна житейская дорога,
Как упрям веселей юный стих.
Не сядись из край синевы, друзья,
Лучше сяди оба на троих;
Лучше сяди оба на троих, исходи я,
А покои нет здесь, на яву.
И озяи, без крова и приюта,
Я нау к лучам свой зори;
И к тебе, любимому поэту;
Я пришел с тобой поговорить.
— Не дано мне юности о-ради-ой,
Я, бродя, пою своей весне...
Где-то пишет тихий галицкий
Обо мне на дальний страну.
Здесь я уединяюсь, пишу пыхты,
И порой на одетах каких-то
Я пишу песенки стихи...
Прохожу я, ветреный первата,
В перекулах письма звяги...
На далеком, тихом, нежном юге
Подождет мать моя мена.
Но судьба — извятая ворскла:
Все крадет веселье у весны.
Но позешушь, — лучше я вервкой
Подожму упавшие штаны,
И вновь я буду писать, дать в засечний,
Коль задожит о дальний коя руль,
На пете весенних песенок: я
И письму колодную грусту.
И тогда бороде буду петь я...
Ст. В., Серегин! Не надо уходить...
Знакал березы звягин встэр,
А Есенин тихо, тихо спит.
И луна в синеве неба пыла,
Серебря гербы сидых могил,
И стоя одна у могилы
И, дурак...
С брезой говорил.

Леонид Равич.

Но Серегин уже не дослушал. Стрелой вылетел он из зала и в пустом коридоре наступил на Сашку Галикин.

— Слизиц? — рванул Серегин.

— Слизиц! — уныл отвел Сашка.

— Как же ты, чоррт, не знал, что Громова тоже Сашки зовут?

— А я его все: Шурка, да Шурка...
Шурка...

С минуту растерянные ребята смотрели друг на друга, выпустили глаза. Потом Серегин сказал:

— А с машиной-то как же? Надо дать знать!..

Это значит... он с дежурства записку Громову послал, — сообразил Сашка. — И на квартире у Петухова хотели с опять подготовиться. Вот так штука...

— Ах, вы здесь, товарищ Галикин! — в здесь заседал мрачный голос из коридора, и приятель прошел рукоудержания Иван Иванович — Водружением моего кружка в десть, как назначено. Ну, хорошо. Так, представьте же себе...

— Иван Иванович понизил голос, оплюнулся кругом и разделил и угрожающе брюканул:

— Я — наше! — Килькин!

— Да ну? — удивился Сашка. — Где же это?

— Портной на улице Карла Маркса, вот он кто такой!

Сашка и Серегин посмотрели на Иван Ивановича, потом — друг друга, потом, обновленные держася за животы, залезли в езды, безудержным комсомольским хохотом.

С Е Р Д Ц Е З И М Ы

М. ПРИШВИН (Из путешествия вокруг солнца), рисунки В. ЕФАНОВА

Я поселился на береговой горе самого большого озера в средней России, в пустынном доме, обвягом казацкими суворыми людьми о четырех, стерегущих клады, зарытые будто бы в этой горе. Я рассчитывал, что проживу здесь только лето, но не вышло как думалось: явились сюда географы для исследования озера, странные какие-то люди, и заманили жить здесь круглый год.

Географы, как я замечал, всегда странные люди, во всяком случае не такие, как все мы: географы живут на земле, как на корабле, мчаться вокруг солнца, и им, конечно, жизнь наша представляется иначе...

Все молодые люди этой экспедиции были очень странные, только начальник их, пожилой профессор, очень здоровый, неутомимый, был как будто совсем не похож на географа: веселый, обыкновенный человек. Мы с ним говорились устроить в этом доме географическую станцию, и я соглашался взять на себя для начала дела роль наблюдателя и коменданта. Перед отездом студенты перетасчили в мою комнату все многочисленные географические инструменты и приборы, профессор дал слово, что через неделю непременно вернется, даст инструкции для наблюдений и научит обращаться с приборами. Это было в июле; теперь—конец декабря, профессора все еще нет, инструменты лежат в углу запыленные—без употребления.

В ожидании профессора я стал делать наблюдения по-своему. Мне пришло в голову, что раз меня в географии интересует только воспитание в себе чувства жизни, как движения, то не все ли равно, буду я наблюдать точным научным способом или же—как мне самому представляются ежедневные изменения видимого солнца, месяца, озера, вообще пейзажа и жизни человека, близкого к природе; и при таком наблюдении, казалось мне, непременно получится сегодня не как вчера, и завтра я тоже отмечу новый этап в движении нашей планеты. Я стал изобретать свои методы наблюдений, учиться давать верные и яркие характеристики проходящим дням. Несколько недель я пытался, боролся сам с собой, как всегда бывает при начале нового дела, но мало-малу вошел в колено и мне стало казаться будто я путешествую, а корабль мой—планета земля.

Я брал для записей разные мелочи, какие мне только попадались на глаза,

и—сегодня это пустяки, а завтра из сопоставления с другими новыми мелочами получалась картина движения планеты. Вчера кипела жизнь в муравьинике, сегодня муравьи убрались в глубину своего государства, и мы отдыхаем в лесу на муравьиной кочке, как в американском кресле. Вчера ночью мы ехали на санях за краем озера и слышали с незамерзшей его серединой разговор между собой лебедей. В морозной, пустынной тишине лебеди казались нам какими-то разумными

Я учусь различать, значит, представлять себе лицо каждого дня и потому, когда наступает какой-нибудь значительный и, как говорят дачники, овратительный день, я знаю, как он был сотворен и сколько всего подошли серых и бурных и страшных дней его создания. Вот и зима,—конечно, одна из, как только начинается белое, говорят—зима. Между тем, и в зиме также движение, как и в других временах года. Нынешняя ровная, ранина, жгучая зима мне представляется большею зимой, а сердце земли вступило в нее очень недавно. Я ишу в своих записках этот отмеченный мной момент перехода к настоящей зиме. Число за числом проходят дни, солнечные, пасмурные,—главный герой моих записок, конечно, солнце; оно всегда солнце дает знать о себе через всевозможные тучи. Но лучше осенью и зимой всегда, как гость. Последний раз перед тем моментом зимы, который хочу я сейчас характеризовать, я видел луну в вечером в полном крите, когда возвращалась с волчьей обтайбы: на си-

жем, пущистом снегу от деревьев ложились мягкие тени. Потом я потерял ее из виду и вдруг неожиданно, в предрасветный час, при выходе из дома встречалась с ней лицом к лицу. Она светила брызгами из-за осинника, но очень ярко светила, и озеро казалось при этом свете какой-то огромной волчьей пустыни.

Сейчас я не раскаиваюсь, что остался здесь зимовать и не очень досадую на географа, что он не научил меня обращаться с приборами. Не всякий может достать себе дорогие приборы, но как я делаю, доступно каждому: я прокладываю путь для множества людей, разбросанных в степях, в лесах и пустынях необитаемой страны, воспитанных на плоскости, в неподвижности, томящихся узким своим кругозором... Всего, ведь, как-нибудь десять минут в день для характеристики проведенного дня, и через несколько месяцев получается новая картина движения жизни единственный, потому что жизни не повторяется, путешествие наше вокруг солнца каждый год совершается по-иному.

В предрасветный час иногда зарождается мороз, определяется напряжение и сила ветра, и потому, если хочешь понять, как сложится день, непременно надо выйти из дома и наблюдать предрасветный час. От моего жилища до кругового обрыва над озером всего двадцать шагов; тут я стою, наблюдаю, как по диску луны перемещается тональная веточка осин, другая проходит, третья. Этот осинник—как бы щерсть земли, в которой запряталась я, и эти ветки, отдельные щерсточки, проходя по диску луны, открывают мне движение планеты—любимый мой опыт и, кажется, единственнейший, позволяющий видеть глазами движение. Так легко на этом высоком краю впустынny предутренний час забыться и

Тут я...наблюдаю, как по диску луны перемещается тональная веточка...

неверного, нажитого с детства представления жизни на неподвижной плоскости и чувствовать себя пассажиром огромного корабля на точке его, обозначенной меридианом и параллелью. Да, я пока пассажир, но пройдет большое время и вот—кто-то другой, выросший из меня и из тысячи других жизней, поведет этот корабль от потухшего солнца к какому-нибудь более горячему светилу...

Сильный ветер порывом налетел, зачали осыны и спутал видимое движение. Но все равно, видно или не видно глазами, земля несется в пространстве. Ветер сильнее. Деревья начинают стучать друг о друга одноденными сущими. Каждые две минуты на рассвете температура падает на полградуса, и вот уже становится невыносимо стоять на мостике будущего капитана земли: пятнадцать градусов при сильном ветре. Восход начался в красных мечах.

На пять минут я забежал домой поставить самовар и когда вернулся, мечи уже не было, солнце закрылось и по всему озеру бежали дымки метели, обнажая местами темный лед. Пока не замедли еще ночные следы зверей, я спешу на лыжах проверить волка, стерегущего мою охотничью собаку, и скоро нахожу в кустах отпечатки его хорошо знакомых мне лап; и лисица была,—оба подошли к могиле моей собаки и тормозили обгладанные кости. Я догадываюсь, что волк—глубокий старик, потому что всегда держится отдельно от стаи; у них уж тайный порядок заведен, если осталась, зубы плохи и не прославляется за молодыми,—работай отдельно. Такой волк занимается больными собаками и за то у охотников называется с обашиком. Из-за этого прошлого обашиком я дрожу каждый раз, когда моя Соловей потянет лисицу и выйдет из слуха. Рассматривая следы, я говорю: «Фотоди, любезный, вот скоро додерусь до тебя, попробую твоего прощушки». След идет из Брусничного оврага в поле, а там несет и так удивительно наметает на след, что он становится выпуклым и уходит далеко видными шишками, с тонким изображением пальцев, когтей, будто отлитыми из гипса. Некоторое время я иду по шишкам, но капризная метель вдруг как будто не захотела, чтобы я проник в зернины тайны, и совсем начисто все перемела.

На обратном пути я вспомнил лисий след и на случай пробую его обойти: метель лисице очень удобно залечь в этом овраге. Я иду по кругу, считая входные и выходные следы, и не знаю до самого последнего шага, скользящего начатый круг, тут-то или вышла. Под конец между мной и начальным следом—плотный кустик можжевельника, и тут же

все мое, сердце начинает биться; я обхожу кустик, выходного следа нет,—круг смынут, и я владею значительной тайной прилегающей к моему дому местности, что в этом небольшом от емчике спит грязный враг моих тетеревей и куропаток.

Теперь, когда все конечно, мне хорошо известна история ее ночных походов. Вчера в сумерках она охотилась за тетеревами, которых летом я не стрелял, берег, чтобы слушать весной токование. Всего из штуки шесть—две серых тетерки и четыре петуха, краснобровых и с лирами. Снег уже такой высокий, что они могли доставать снизу ветки можжевельника: они бродили тут весь день и везде между кустами оставили на снегу прелестные цепочки своих следов. Под вечер они тут же зарылись в снегу, каждый сделал себе в сугробе отличную коминатку, с маленьким оконечком вверх для дыхания. Лисица еще в сумерках, вероятно по цепочкам следов, подобралась к спящим и схватила одного петуха. На склоне осталось множество перьев и дальше долго шли кровяные памятки. Лисица хорошо наасла, свернувшись калачиком на большой, широкой, как стол, моховой кочке, покрытой снежной скатертью. Она была очень сыта и не пошла на утреннюю охоту, а главное, ее остановила, должно быть, метель.

Лисица спит и не слышит, не знает, что на жизнь ее готовится заговор. Два охотника совещаются между собой, шепотом спорят и, наконец, решаются, пользуясь сильным ветром, срезать еще один «оклад». Им это удалось; теперь они берут по большей катушке и развязывают по окладу на кустиках шнур с красными флагами, идут в разные стороны, оставляя за собой магический круг, сходятся, торжествуют: лисица зафлажлена, а это значит—все равно, что взята.

Если захотеть, можно держать ее три дня и больше под флагами, потому что она слишком хитра по-звериному, но не хватает у нее одной крупинки человеческого, зачем человечество, даже рысьего, даже медвежьего, разума, чтобы плонуть

Помню, как выходил на море, Там, где город кинул на откос. Я—трехлеток—слушал разговоры, Что водил с прислугой матрос. Грохот кранов, стынисты на море, Мой покой тревожил перед сном. И тянуло черноморской солью В синее от воздуха око.

Каждый день—палиций, краснорожий, Из-за моря выходил с утра Дома, вестники были похожи, День на день, сегодняшний вчера. Но однажды звуки перебранки Затуманили мой глаза.

Не ступали, как обычно, «склянки»,

Из порта шарахались назад.

Помню с дребезжащим закрыли раму,

И за стекла откатилась даль.

Я поник; встреможенную маму

Испугала детская печаль.

А потом (запомни, где бы ни был)—

Небылый уходящий вой.

Мне казалось—раскололось небо

Моему кудрявому голове.

Боль от слоя и борьбы открытия:

«Дома, тыше... После будет лучше

Для тебя и для таких, как ты».

А когда горела эстакада

Бревнами потрескивал пожар, —

Понял я, что, верно, так и надо

Отвечать ударом на удар.

Сквозь года, ослепшие в потемках,

Шли к ним я, к светлым берегам.

Пыл безумия твоего, «Потемкин»,

Я, как выплыл красный, сберегал.

Анатолий Борюхович

на всю затею охотников и махнуть через минную преграду.

Против одной маленькой, но очень плотной ели, за которой так удобно спрятаться, охотники снимают немного шнурка с флагами и так оставляют выходные воротца. Один охотник, с ружьем на готове, остается за елкой,—у него бесозечные патроны Элея и в каждом патроне двадцать восемь картечин, залитых парфином для кучности боя. Другой охотник вступает в круг с противоположной стороны, тихонько движется, наступает по входному следу, то чуть-чуть свистнет, то заломит замерзший сучок.

Лисица еще спит, еще не знает, что вокруг нее—сомненная цепь флагов, с единственным выходом через роковые воротца. Но слух у нее хороши и во сне. Что-то свистнуло. Поднялась голова. Треснул сучок. Встает. Еще послушала. Идет тихонечко, идет, идет...

Стой, флаги!

Назад идет, трусят...

Стой, флаги!

Осела, прислушалась,—совсем близкохонько треснул сучок. Попала скакунами прямо на роковые воротца...

Стой! Неминуемо: скорее на часах запечатится стрелка о стрелку, чем прогнёт черная мушка, поставленная на рабий бок...

Осела, прислушалась,—совсем близкохонько треснул сучок.

Бывает охота по правилам, и бывает по случаям. Я большей частью охочусь по правилам, а живу по случаям: не соберусь все как-то устроиться, все как-то жалко время терять на пустяки,— жизнь так коротка... Можно ли благородному человеку забыться до того, чтобы, заехав в самое сердце зимы, не запастись дровами и довеси свою кассу до того, что в ней остался всего шестнадцатькопеек? Но я живу по случаям: ге один год и за это время понял, как нужно вести себя, чтобы случаи повторились: нужно встречать их всегда с веселым лицом... Знаю, что нелегко быть веселым, когда на сердце кошки скрещут, но что же делать, если не можешь по правилам. Так, вот, спогоря на охоту и вернулся с лисицей. Кто-то видел меня с лисицей, слух дошел до кого-то атника, и не успели мы шкакурку снять, является и дает мне за нее денег на две с половиной сажени березовых дров. С котшатником я наказал приятелью своему—охотнику дядя Михею, чтобы он непременно и как только можно скорее привез бы мне сухих дров.

Всю эту ночь бушевала метель и выдула дом совершенно. В предрасветный час вышел я наблюдать и сейчас же вернулся,—ничего наблюдать, кругом гудит, свистит, несет сверху и снизу, вимаг пронизывает до костей. А между тем, в этот час наверно дядя Михея, плотно поев, одевается и едет в лес за дровами. У него такого случая быть не может, чтобы одним выстрелом добить себе две с половиной сажени,—он не рассеянный, живет по правилам, заготовил дрова в лесу еще летом. Он продает их, чтобы не умереть с голodom, но, сознает, что дело его большое, для всех важное, и если он есть кусок, то знает, что другой его же кусок люди едят... Заготовленные сухие дрова он продает, сам же попится сырьем и потому в избе у него всегда холодно, жить можно только на печке, да и там только ребятишкам да бабам места хватает, а дядя Михея спит в печке.

На рассвете еще слабо несло, только нос щекотало, лыжка тонула в снегу на пол-аршина; я посмотрел на дом со стороны и подивился: это не дом был, а какой-то Нансеновский Фрам в полярной стране, засыпанный, затертый, а вокруг — белый, курящийся, зыбучий океан: далеко вокруг никакого жилья, никакого следа человека и даже засыпало все зернистые следы сверху. Конечно, сегодня стояла рухе не принести молока из деревни. И дядя Михея, верно, показался сначала свою лодашенку, потом, может быть, и себя. Что же делать-то? Одевалось, подпоясывалось, беру топор, иду в лес, — приволоку сам какое-нибудь сырье... Вможе-вельниках намело неправильные, остро-верхие, похожие на донцы сугробы; я провалился в одном по самую щечу, барактался, озиной руки. А пока я бился в сугробе, вдруг встало белое во весь рост от земли и до неба. Казалось, белый охотник окладывает меня своим широком, я же там беспомощен и дивлюсь, зачем он хлопчет, — приди и взмыси. Не миновать этой жутки в природе, когда опускаются руки и, если тонешь, то кажется гораздо легче тонуть, чем жить, если замерзаешь, то много приятней мерзнуть: из-за чего тут стараться, если годом раньше, годом

позже, тыкаясь в зафлаженные стороны, подойдешь непременно к своим роковым воротам.

Странно увеличиваются в метель все предметы. Кустарник мне показался стеною высокого леса, и вдруг из него выскачивает зверь, высотой в пол-леса, с ушами в аршин. Зверь летел прямо на меня, так что я даже для обороны взмахнул топором, но зайдя я показался наверно еще страшнее, и он сразу махнул в сторону. Вслед за ним показалось и то, что его подшутило,—какая-то высокая башня, а из этого вышел дядя Михея и обыкновенным своим голосом говорит мне о зайце:

— Будь у меня палка в руке, я бы этого коготя чрота забил.

Палкой он, правда, кажется, больше избил, чем из ружья.

— Ну, а как же дрова, дядя Михея?

Свалил.

Не мог довести и где-то недалеко в поле свалил. Мы перевозим их на санках и сразу пускаем в ход во все печи. Из всех труб мой Фрам гонит дым, но он сразу исчезает, как дым папирски, присоединяясь к белому, что стало от земли и до неба.

Когда в комнате мало-мальски согрелось, я записал свои наблюдения зимы: то белое красивое, что было до сих пор и всеми называется зимой, мне представилось только большим зазимком, а в сердце зимы мы вступаем только теперь. В этом сердце зимы мне все чудится, будто тот охотник окладывает нас и оставляет для каждого неизбежные роковые воротца.

Что же делать?

Из прежней теплой жалости к человеку встает холодная, как зима, решимость.

Дрова разгораются.

Я думаю:

— Взял же когда-то человек в руку зажженное молнией дерево, стал у всех огонь, — догадался же... Так и тут, вероятно, что-то простое, — когда-нибудь додадаются и вдруг махнут через оклад?

Пока не замело лица ночные следы... Я спешу на лыжах проверить волка...

Мой дедум ящики чит на дорогах,
Говорит и хвастает парой,
Что одни поет он об островах,
О земле чаудонской и родиной.

Но бахчался, дед мой, не бахчался,
Богатырь брюхастый и бобиль...
Я не стоя дедовского пальца,
На люблю по-дедовски Сибирь.

Не скакать на тройке мне сверкучей,—
Я не старый ухарь, и до слез
Полюбия горластый и гремучий
И на дно статный паровоз.

Бродит хмель любви моей кусачей
У меня за пазухой давно
К жеребцу стальному, чей удачей
Занозить мне сердце суждено.

Ямщик, как дед мой,—самохвали,
Вашу смерть я чую впереди.
Паровоз бунтует разудали,
Не гуди же, чугунный, не гуди!

Я тебе, ру уй мой черномазый,
Эзлу весть тихонью берегу.
Я люблю их пеленные трели,
О сделать затели тайг!

Только в ней дождь они сумели
До седых, до бородатых дней...
Я люблю их пеленные трели,
Но не жаль мне пыльных почтарей.

Паровоз им памятней заразы—
Ни тел, ни троек не сберег.
Так лети ж, пыкни мой пучеглазый,
По земле дремучей поплек!

Михаил Скуратов.

ПЛЕНУМ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА

НА СНИМКАХ: 1) Т. Бухарин докладывает о международном положении.
2) Т. Семасут—представитель Индонезской компартии.
3) Представители КИМ на пленуме; 1-й справа—т. Помонадзе
4) Группа делегатов пленума.

3)

4)

2)

22 ноября в Москве начал свои работы расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Пленум открылся докладом т. Бухарина, который дал оценку международного положения и поставил ряд задач для дальнейшей работе коммунистических партий. Кроме обсуждения этих общих вопросов, пленум посвятил много внимания отдельным конкретным моментам в развитии революционного движения и укрепления коммунистических партий. Так, были обсуждены уроки английской забастовки, китайский вопрос и внутрипартийное положение ВКП (б). По всем этим вопросам были приняты решения, направленные на усиление революционной борьбы и строительства и против всякого рода шантажей и критики ленинизма. Расширенный пленум освободил от обязанностей председателя ИККИ тов. Зиновьев и создал новый президентум.

ИЗ ТЬМЫ ВЕКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЮГА СССР

Проф. И. Н. БОРОЗДИН

За последнее время мы являемся свидетелями необыкновенного оживления в области изучения памятников древности, разнообразно и обильно представленных на огромной территории нашего Советского Союза. Организуются раскопки, щедро пополняются новыми материалами музеи. Если прежде работа археологов протекала в типах кабинетов и считалась (конечно, совершившись неправильно) чуть ли не «барской затеей», то теперь в изучение памятников старин вовлечены самые широкие круги населения.

Среди различных народов СССР, Октябрьской революцией привнесенных к новой жизни, краеведческая работа в самом широком смысле этого слова находится сейчас в полном расцвете.

Почему же археологическим раскопкам уделяется вилное место? Что могут дать обнаруженные из недр земных памятники? А давали и дают они очень и очень многое.

Благодаря им не только цепь пробелы, цепь пропасти в ранней истории человеческого общества восстанавливаются. Даже при изучении тех исторических эпох, которые обладали и письменными источниками, археологические материалы дают иногда совершенно новое и неожиданное истолкование.

5 тысяч лет назад

Возьмем несколько примеров из области изучения древностей нашего юга и отметим в первую очередь замечательную, привлекающую теперь мировое внимание так называемую трипольскую культуру (богато развивающуюся на территории Украйны).

Она представлена теперь только остатками своеобразных площадок и землянок (с очагами), где сохранился ряд

интереснейших предметов быта и домашнего обихода. Исключительное внимание вызывают остатки расписной глиняной посуды, пышно украшенной орнаментами, свидетельствующими о достаточно развитом художественном вкусе. О том же говорят терракотовые фигуры, изображающие идолов и быков. Бытовые предметы, найденные в жилищах-землянках, показывают, что человек того времени уже приручил домашних животных (кош, свиней, волов), что он уже перешел к оседлой, земледельческой культуре и умел обрабатывать зерно: вместе с семенами пшеницы и проса найдены и ручные мельницы-зернотерки. Относится эта культура к переходной эпохе от ново-каменного века

Золотая ваза с изображением скіфов из культуры Куль-Оба (на юге СССР).

Раскопки на Гераклейском полуострове. Раскопанная военная усадьба (центральное помещение).

к бронзовому и к самому началу бронзового века.

Размах этой культуры был не мал; из Киевщины в Триполье она спускалась на Балканский полуостров и захватывала частично Галицию и Венгрию.

Иследованиями было установлено, что

так называемая «пелена», из Черни, относится к IV веку до н. э.; ее формы культуры имела и рисунок свидетельствуют о связи даже с проникновением античной культуры племен в верхушки общества, редким Азии и отдаленных Греции колоний (Шумир, Элам)

и Туркестана (раскопки в Ану, близ Мерва и Ахшада). А за самое последнее время к этому присоединились еще замечательные открытия

Когда орудия человека выделялись только из полированного камня.

Когда орудия уже делались из сплава меди со свинцом или оловом.

Ваза из Ольвии второй половины III в. до н. э.

в Китае (в провинции Ханан) и не менее выдающиеся раскопки последних двух лет в северной Индии. Найденные здесь памятники (особенно горнорудные изделия, посуда) говорят об экономической и культурной связке даже столь отдаленных друг от друга стран. В результате всех этих открытий определился уже за 5—50, тысячи лет до наших дней какой-то грандиозный культурный круг от Приднепровья до северных границ Китая.

Во времена египетских фараонов

Другим примером может явиться вопрос о хеттском культурном влиянии, о котором мы говорили в последние годы с самого усиленным вниманием. Если еще недавно о хеттах, наследниках Малой Азии (их столица Богазкёй была около теперешней столицы возрожденной Турции—Ангоры), знали мало и смутно, то блестательные открытия наших дней представили богатую и мощную культуру, когда-то грозных противников египетских фараонов и ассирийских царей. Держа в своих руках караванные пути передней Азии, хетты распространяли широкое свое влияние, размазнувшись на юге Закавказье. Примерно. На разных памятниках, обнаруженных на юге СССР, исследователи нашли следы определенного хеттского влияния. Но еще поразительнее тот факт, что с пережитками хеттского влияния в истории русской культуры мы встречаемся в очень своеобразных формах. Так, на узорах полотен наших северных губерний, вышитых нашими крестьянками в начале XX века, мы находим в сильно стилизованном виде изображение малознатной (своей основой—хеттской) «великой матери богов» передней—двух ваддиников, которые с благоговением обращаются к ней! Вот как в беге столетий сохранились остатки влияния сильной материальной культуры хеттов.

Царствовавших в Египте за тысячи лет до нашей эры.

Вслед за хеттским влиянием наш юг подпал под долгое и глубокое влияние иранской культуры, особенно ярко отобразившейся в скифских и сарматских памятниках. И вот по этим-то памятникам материальной культуры (письменных источников сохранилось мало) теперь только и можно восстановить хозяйственный быт, политический строй и культуру скифов, некогда занимавших весь юг СССР. Добытые при раскопках знаменитых скифских курганов памятники дают представление о развитии царской власти, о роли крупной знати, об особенностях скифского хозяйства, о скифской религии и т.д.

Но реду с иранской, скифской культурой стихий громадную роль на нашем юге сыграл и эллинистический, т.е. греческий, колониальный мир, а затем — римский.

Древний «город» и «деревня»

Но в области изучения древнейших греческих и римских колоний не все еще в одинаковой степени изучено. Прекрасно изучен по раскопкам пока только древний город. Но зато окружающая его местность, питавшая его, жизнь усадеб и деревень еще почти совсем не исследована. Только за самое последнее время вопросы археологического изучения «деревень» поставлены в программу дня. Мне пришло руководить два года тому назад археологической экспедицией на Гераслейском полуострове (в окрестностях Севастополя), организованной Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР. Издавна привлекали внимание раскинутые по всему Гераслейскому полуострову остатки стен колоссальной кладки, больших и малых сооружений, башен, каменных кружков, некрополей (могильников), цистерн¹.

¹ На Иранском плоскогории теперь расположена Персия.

² От VII века до нашей эры.

³ Водохранилищ.

искусственных пещер и пр., но лишь в 1924 году удалось приступить к их изучению. Это изучение показало, что во многих из них мы имеем дело с остатками как бы усадеб-замков, которые ограждали и защищали богатства городского центра. Эти военно-хозяйственные пункты, которые принадлежали общественным организациям или отдельным частным лицам, и должны были стойко оборонять греческую и римскую колонию от степняков и устрашать эксплуатируемое ею сельское население, тут бедноту, которая на своих плечах выносила всю тяжесть чрезвычайно призимистого хозяйства колонистов. Нам во время экспедиции удалось, кроме того, обнаружить и ряд бедицких побегов, с их характерным бытовым инвентарем.

В одном из своих стихотворений по поводу раскопок в Ольвии тов. Демьян Бедный пишет:

«Нам интересней знать, что говорят раскопки
о древне-греческих... рабах:
Какие «вазы» и «амфоры»
Несли с помоями в их катаржные норы».

Да, это очень интересно. И современные археологи-обществоведы это имен-

но и имеют в виду. Пора увлечения «блестящими вещами» давно прошла, и простой черепок для археолога иногда во много раз ценнее разукрашенной вазы!

Татарская старина

В заключении моей статьи я хочу привести еще один пример.

Я говорю о памятниках татарской культуры в Крыму. Как известно, интерес к изучению татарской истории особенно оживился за последнее время. Еще недавно о татарах говорили презрительно и смиска, как о дикарях и разрушителях. Но теперь раскопки в Поволжье, Эски-Юрте (близ Бахчисарая) и Старом Крыму обнаружили ряд таких золотоордынских памятников, которых очень далеки от какой-либо дикости. Достаточно сказать, что некоторые татарские города, оказались, были более благоустроенными (с водопроводами, прекрасными зданиями, школами, мечетями, постоянными дворами, мастерскими и т.п.), чем многие наши современные провинциальные!

Мне лично приходилось руководить в течение двух летних кампаний — 1925 и 1926 гг. — раскопками в Старом Крыму (Солхате), организованными КрымЦИК и КрымСНК совместно с Научной Ассоциацией Востоковедения. Раскопки эти, веденные в первой столице Крымских татар Солхате (теперь — Старый Крым), дали очень многое для познания и понимания золотоордынской культуры.

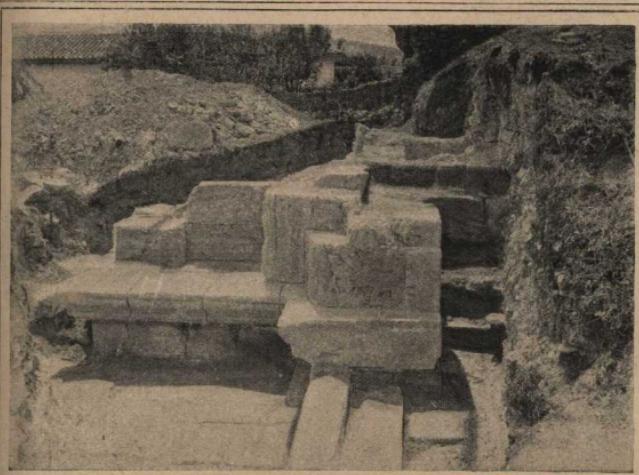
Разведки на территории Караван-Сарая и бывшего ханского дворца, раскопки великолепного здания Солхатской высшей школы XIV в. (медрессе) близ мечети Узбека, обнаружение 150 надгробий с надписями и орнаментами, масса фрагментов разнообразной посуды и предметов быта, монеты¹, — все это дает возможность представить экономический и культурный облик цветущего города, ведшего оживленные торговые сношения с Малой Азией, с Хорезмом (Хиво), с Египтом и даже далекой Индией. В Солхате были и собственные мастерские; так, нами обнаружены остатки гончарной мастерской. Солхатская высшая школа, помещавшаяся в роскошном здании (мы раскопали восточную часть — с парадным главным входом и западную часть — с аудиториями), привлекала многих учеников. Одно из найденных надгробий гласит, что оно воздвигнуто над прахом астронома. Другое с интересными украшениями воздвигнуто над прахом знаменосца. Город окружали стены с башнями, от которых, к сожалению, немного теперь сохранилось. Во всяком случае, раскопки в Солхате лишний раз разрушают старую легенду о татарской дикости и открывают новые страницы истории золотоордынской культуры в Крыму.

Закончну, чем начал. Памятники материальной культуры различных времен и народов являются чрезвычайно важным и часто незаменимым источником для изучения законов развития общества. Старое освещает нам новое.

¹ О результатах раскопок 1925 г. см. — И. Бородин — Солхат. Изд. Научной Ассоциации Востоковедения. 1925 г. М.

Раскопки в Старом Крыму. — Надгробие знаменосца.

Раскопки в старом Крыму. — Раскопанные остатки парадного главного входа высшей школы (медресе XIV в.).

ГРИМАСЫ БУРЖУАЗНОГО СПОРТА

Б. ГРОМОВ

Один из матчей бокса: МАЛЫЧИК ПРОТИВ ДРЕССИРОВАННОЙ СОБАКИ—очередная выдумка предпринимателей в угоду новального увлечения боксом.

Еще в начале 20-го века буржуазия, видя колоссальный рост спорта, поняла, что при некоторой предпринимчивости на этом движении можно хорошо «загнать деньги».

Так зародился за границей «профессионализм» и профессиональный спорт.

Наиболее шаткий беспринципный элемент спорта—стремление плененой жаждой легкой наживы, бросился заполнять места участников «грандиозных матчей бокса, мото-вело-гонок, футбольных состязаний и т. д.

Отдельные крупные величины, пожня лавры, склачивали себе крупный капиталец «про черный день», а вся масса в большинстве случаев вела полуническое существование, живя на подачках «господ-антрепренеров», работая на побегушках и мелких услугах.

Лишь тонкий и рассеянный коммерсант-антрепренер, знать «вкусу» своей публики, лишь он один не оставался в на- кладе, некименно выкачивая прибыль.

Профессиональный спорт породил своих «героев», кумиров толпы. На этом спекулировали. Широковещательные афиши, световые рекламы манили, звали то на «кровавую бойню» белого с черным, то на велосумасшествие—езду гонщиков на велосипедах в течение 6-ти суток без перерыва.

Пресытившейся в своих различиях буржуазии надоели, прискучили театры и концерты. Крови, сильных, нервных ощущений—вот, что требовала «публика».

Спрос вызывает предложение. Армия агентов, рассыпавшиеся по всем закоулкам мира, находила нужный элемент, заключала кабальные договоры и выбрасывала кусок здорового сильного человеческого тела для удовлетворения прихотей «света».

БОНС

вот самое модное на Западе.

В 1922 году гигант австралиец Демпsey безжалостно искромсал (перебил переносицу, сломал несколько пальца на руках и ударами в область сердца довел противника до обморока) француз Карпантре. «Париж» 3 дня носил траурные повязки.

Когда-то в скаковой конюшне Карпантре был мальчиком. Он сумел подняться на уровень «мировой величины».

нах» перестали принимать его, о нем постарались «забыть».

А победитель—Демпsey, как живет он? Демпsey, склонив боксом круглый капиталец, рассудительно пустил его в оборот, ударился в коммерцию, открыл фешенебельные рестораны и т. д.

Иногда все же ему приходится подрабатывать кудаком, когда наличных денег нет,—они все в обороте,—а подстувают платы по налогам. Так, лишь недавно раздобыли подходящего противника для Демпсия—исполненного матроса Туннея, слонявшегося по портам в поисках работы.

Демпsey и Тунней

На специально выстроенным для матча помещении в Филадельфии произошел матч.

150.000 американцев, совместно с европейскими завсегдатаями всех крупных матчей, присутствовало на состязании. Гостилицы были переполнены, ночевали в поездах, на бульварах, но были горды, что видели, как развернули «самого Демпсия».

Полчаса шел жестокий бой-схватка тренированных мыши, энергии и силы воли.

Лишь на 30-й минуте Тунней был признан победителем.

Характерно, что, когда подшло время получать гонорар, то оказалось, что Демпsey заранее утвердил за собой кругленькую суммочку в 1.700.000 руб. А победителю пришлось удовольствоваться лишь 400.000 руб.

Предприниматели на этой же истории зашибли 2.000.000 р. Как не протестовал Тунней—большего он не получил.

Да и вообще—то говоря, хорошо, что он оказался американцем, а то история его победы могла окончиться для него печально.

«Лучшие» люди Франции—ее богачи и аристократы — заносили в всячески обхаживали «победителя» Франции. Но вот Карпантре бил, и от него все отвернулись. Его «облаяли» в бульварной прессе, в «сало-не».

Вот негр Жак Джонсон за свою победу над американцем Джейффрисом попал в тюрьму на несколько лет: уж слишком были оскорблена в своем расовом самолюбии «стопроцентные американцы».

В погоне за рекордами часто не щадят свое здоровье. Молодой пловец Веймоплер, удивлявший мир своими колосальными рекордами по плаванию, в конце концов, нажил себе жестокую болезнь клапанов сердца. А это лишь небольшой пример из целого ряда фактов.

ШЕСТИДНЕВНЫЕ «ВЕЛО-ГОНКИ»

Во Франции и Германии огромным успехом пользуются так называемые «шестидневные вело-гонки». Дело происходит таким образом. От каждой вело-фиরмы на состязания выступают два гонщика. По условию, во время разыгрыша, на треке обязательно должен находиться один из каждой пары. Меняться для отдыха они могут любое количество раз и в любое время.

В течение 6-ти суток на маленьком треке, в душном непретерпимом помещении, где пот гонщиков смешивается с едкой пылью, идет состязание. Гонщики в эти дни здесь же живут, снят, бреются и т. д.

Публика любит посещать эти гонки уже темной ночью, когда весь город во сне и все ресторанчики закрыты. Здесь же круглые сутки работает кафе с подачей крепких напитков. Зрители—буржуа и «аристократы»—играют здесь, как на тотализаторе, ставя на гонщиков, как на призовых бегунов.

Вот он, здоровый спорт Запада, чем так гордится буржуазия!

«Вокруг Франции»

Можно рассказать о вело-гонке «Вокруг Франции», где участники, то утопая в песках прибрежных дюн, то карабкаясь по крутым и бесконечным подъемам

СКОЛЬЖЕНИЕ ПО ВОДОВОРОТУ—спорт для любят скрекинами нервами. Ночью, освещаемый прожекторами, «спортивные» ударающим развеселены на особом щите, привезенном к форме моторной лодки, мчащейся с предельной быстротой.

в горах, падая, разбивая и калечая себя и машины на камнях несправных щоссе, изо дня в день, в течение целого месяца — ожесточенно борются на протяжении 5-ти с лишним тысяч километров за первенство, окончательно изнашивая к концу гонки свои сердца, превращаясь, ради доллара, в калек, инвалидов.

А бывают и курьезы.

Поп-бегун

Вот Лидель — лучший английский бегун на 400 метров, являясь по профессии пастором, не участвовал на Парижской олимпиаде в беге на 100 метров лишь потому, что это состязание было назначено на воскресенье, а ему, как служителю церкви, полагается этот день посвятить молитве и благотворительным размышлениям.

Поистине — верх лицемерия!

А вот милая «детская» игра регби, напоминающая гладиаторские игры в 20 столетии. С этой «игрушкой» могут сравняться лишь кровавые бои быков в Испании.

«18 убитых за три месяца игры»

Это — вид игры в мяч, где люди играют в особых предохранительных масках, весьма свободен по своим правилам, допускающим многие грубости. Вот маленькая статистика. В Америке всего лица за три месяца игр, не считая тяжело и легко раненых, насчитываются... 18 убитых, при чем у большинства оказалось переломленным позвоночный столб. Один оказался просто задушенным зверевшими противниками.

«Через Ламанш»

В поисках сильных ощущений Запад обратил внимание на пловательный спорт. Сейчас мода — переплыть Ламанш (пролив между Францией и Англией). Рассстояние не такто уж велико, — всего лишь 30 verst. Люди плавали много больше. Но плавание в узком проливе, где чрезвычайно быстрое течение, не дает плыть прямо, и это относит на много километров в стороны, борьба с огромными волнами, — вот что необычайно трудно. Многим пловцам оставалось доплыть до берега всего лишь 1—2 километра, как отлив внезапно заставил бросать их состязание.

В этом году не успел «высохнуть» рекорд немца Биркеттера, как француз Мишель установил мировой рекорд, переплыл канал в 11 ч. 06 мин. На это рискованное состязание пустилась даже женщина — известная американка пловчиха Гертруда Элерле.

Какой бум был в буржуазном мире,

а вот конькобежец швед Маттиссен сумел поразить весь мир состязанием с лошадью — фаворитом Норвегии, при чем на 500 метр, выиграл гонку. Англичанин Харт в течение 6-ти дней состязался с лошадью в беге. Уже к концу 3-го дня Харт был впереди на 30 километров. До 5-го дня ему удалось сохранить свое преимущество. Затем конь стал нагонять, и вот на 6-й день, когда казалось, что Харт проиграет, — лошадь неожиданно встала и наездила за что не захотела двинуться вперед. За эти неполные 6 дней Харт пробежал 556 килом., лошадь же отстала на 12½ килом.

Скажите, что этим состязанием было достиннуто?

Знаменитый английский конькобежец Тейлор занимается тем, что на катке в Сан-Морице в Швейцарии, там, где обычно собирается на отдыши вся европейская аристократия, прыгает на коньках в высоту через столики, людей, бочки и т. д. Или вот еще трюк на «перевознике». Два специально изготовленных автомобиля со скоростью 130 миль в час скатываются по наклонным, почти перпендикулярным земле, рельсам и по инерции взлетают вверх. Там первый, маленький, прыгает несколько раз в воздухе полное сальто и падает на площадку так, что задний едва успевает освободить для него место.

Нужно сопоставить этот «спорт» с нашим спортом, который является мощным средством оздоровления рабочего класса.

На снимках: ВВЕРХУ — «Коньки ходули» или каким может быть фигуруное катание, когда человек «с жишу бесится»; В СЕРЕДИНЕ — английский конькобежец Тейлор развлекает европейскую аристократию на зимних курортах Швейцарии; ВНИЗУ — сальто-морталь на роликах, спорт, превращенный в чирковые рискобные трюки.

Раньше—«незаконнорожденный», теперь—полноправный «гражданин», подзащитный Советского государства

1

В судебных отчетах, на страницах юмористических журналов, на широких публичных диспутах, на только что заочнившейся сессии ВЦИК—в жарких спорах, где словесные стрелы чередуются с тяжеловесными ударами жизненных фактов, всюду вопросы семьи и брака занимают нашу внимание. Новая семья еще не сложилась окончательно. Еще сохранились охвоты прежней рабской скованности женщины. Еще часто самодурствует, втаптывает в грязь достоинство женщины, пытается хищнически воспользоваться ею обнаглевший самец-мужчина. Но эти отдельные разнуданные последние дни старого быта все крепче и крепче чувствуют на себе люту советских законов о браке. Они ежатся и трясутся под супровым и бдительным оком советской общественности, которая, не в пример буржуазному общественному мнению, всегда на стороне угнетаемой и оскорбляемой женщины. И если новая семья еще не сложилась, то от старых крепостнических отношений мужчины к женщине бесповоротно отнята лицензия поддержки «закона» и «общества».

Достаточно указать, что по царскому законодательству развод допускался лишь в трех исключительных случаях: при безвестном отсутствии одного из супругов в течение 5-ти лет, при неспособности одного из супругов к половому сношению и при доказанной свидетельскими показаниями очевидцев измене.

Такими проволочными заграждениями была закрыта дорога к разводу.

Нынешняя статистика разводов показывает, что большинство разводов падает на рарние, необдуманные, тяготящие обе стороны, браки. По мудрому умыслизу законодателей, тот, кто раз ошибся, должен был каляться вечно. Можно было, конечно, не посчитаться с законом и развестись язвочным порядком, не оформляя развода. Но тут на сцену выступала озлобленная мещанская травля всякого «гражданского» брака. Мало того, дети от нового брака считались «незаконнорожденными». Развод в царское время был настолько затруднителен, обставлен та-

О СЕМЬЕ ПРОШЛОГО, НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

Э. НОРОВ

кими позорными и унизительными условиями, что к нему прибегали гораздо реже, нежели сейчас. На этом основании вздыхающие о прошлом бабушки и тетушки удивительно отзываются о высоком уровне «дореволюционной» нравственности. Но мимая прочность буржуазных браков, браков «в церкви», а «не так, как у вас в Загсе», легко исчезает, аки дым, если мы заглянем внутрь семьи.

Внебрачные половые связи для буржуазного общества являются необходимым дополнением шаткого и лживого официального брака. В конце прошлого века в Дрездене вышла брошюра доктора Северуса: «Проституция и государственная власть», которая признает проституцию спасительным средством даже против революции! «Большая часть нужды», — поучает Северус, — существование которой в настоящее время создает такие плохие социальные условия, происходит от того, что браки заключались необдуманно, без взвешивания вопроса о средствах для необходимого жизненного существования. В интересах государства, чтобы такие браки не заключались, так как рождающиеся от них дети, о содержании которых родители не могут заботиться, и которые, как дети законные, не попадают в воспитательный дом, угрожают безопасности общества. И проституция предохраняет от браков, заключенных под принуждением естественного закона, от браков, ведущих к умужинению в народе элементов, которые становятся врагами общества, так как нужда лишает их воспитания, а безраздрядная юность порождает враждебное государству настроение». Проституция —рассадник венерических болезней, одно из униизительных проявленияй женского рабства, для буржуазии — всего лишь учреждение, необходимое для поддержания общественной нравственности! Конечно, вопрос всем лживым утверждениям, проституции обслуживает не только холостяков, но и женатых людей. Помимо проституции, внебрачные половые связи выражаются в постоянных взаимных изменениях супружеских пар, описание которых посвящены сотни и тысячи рассказов, пьес и романов на всех языках мира.

Буржуазное общество, покалуй, недалеко ушло от той всеобщей общности жен и мужей, которая имела место на ранней заре исторического существования человека. Подлинные отношения толико скрыты за занавесом лживой морали, покрыты дешевой позолотой.

II

Пролетарская революция несет освобождение не только мужской, но и женской половине трудающегося человечества. Она не могла не зачеркнуть старых законов о браке, каждой буквой своей издававшихся над женщиной, и часте не менее тягостных и для мужчин. Полетели вверх торшамки все статьи закона о «незаконнорожденных», все препоны для развода, вся эта обветшалая и заржавевшая система.

Но новые основы быта и семейных отношений нельзя возвести по мановению

волшебной палочки. Оттого и по сию пору не отзвучали споры о браке и семье.

— Какая семья нужна пролетариату?
— Какой брак наилучше целесообразен?

На последней сессии ВЦИК обнаружились значительные разноречия по этим вопросам. Коренным вопросом являлся брак. Обязательный или необязательный должен регистрироваться брак, понимать ли под браком всякие половые связи, сохранять ли материальную ответственность для супругов при незарегистрированном браке? ВЦИК решил все эти вопросы в духе коммунистического, революционного понимания наших задач по строительству новой семьи.

Регистрацию брака нельзя делать обязательной, — сказал ВЦИК. Сторонники обязательной регистрации метали громы и молнии по поводу непрочности наших браков. Если ввести обязательную регистрацию, если создать искусственную привязь для супругов, браки станут менее хрупкими и склонными к разрыву. Ведь и советский зарегистрированный брак очень легко расторгнуть. Государство наше не при нуждает супружеским к сожительству только потому, что они расписались в злополучной книге Загса. Значит, нужно запретить разводы. Но, ведь, это означает не прогресс, не улучшение теперешних семейных отношений, а стремительное движение вспять, к тихой пристани деревенских законов о браке. Конечно, запрещение разводов несовместимо с нашим пониманием брака, как добровольного союза. С другой стороны, требование обязательной регистрации ставит под знак вопроса так называемые фактические браки. Должен ли нести материальную ответственность за незарегистрированный брак какой-нибудь Дон-Жуан нашего времени? Почему ребенок должен страдать в том случае, когда родители живут в незарегистрированном браке?

Супруги несут ответственность за последствия незарегистрированного брака, и незарегистрированный брак создает обязательства взаимной материальной поддержки для супругов. Конечно, поддержки не «до скончания века», а ограниченной определенным сроком. Ради формы нельзя попирать ногами живого человека. Оттого, что отсутствует запись в Загсе, брачные отношения не теряют никаких значительных изменений. Эта формулировка была достигнута также с боями. Не потоками ли мы, таким образом, неосторожности в половых связях! Не покровительствует ли закон беспорядочному половому общению? Подобные сомнения несомненно какой-то сложной патологией передачи колеса связаны с настроениями всей мужской части населения, главным образом, имущей, которая особенно тяжело переносит материальное возмездие за свою мужские «шалости». Женщина изображается соблазнительницей, а мужчина —робким, слабым существом, который безропотно клеит на узочку. Совсем по-

проповеднику первых веков христианства Тертулиану, который воскликнул: «Женщина, ты должна постоянно ходить в пальто и лохмотьях, с глазами, полными слез рассказаний, чтобы заставить забыть, что ты побудила человеческий род. Женщина, ты—враг адовы!» На самом деле признание беспарным незарегистрированным брака только развязывает руки всем, кто привык смотреть на женщину, как на средство удовлетворения своей похоти. Слыхай на то, что взысканиям средств на содержание ребенка злоупотребляют, совершенно беспочвенно. Государство не может вычеркнуть из списка своих подзащитных детей, рожденных в незарегистрированном браке. Но государство не может принимать на себя и обязательства содержать их. Да и с какой стати дарить подобный подарок всем разрывникам?

Но зачем же тогда вообще регистрация?

Регистрация является бесспорным доказательством брака. Она делает явными не требующими дополнительного судебного следствия брачные отношения супружеств.

Браком нельзя считать всякое половое сношение. Нужны определенные условия, выражаются в длительности связи, общности имущества, малиции детей и т. п. для того, чтобы половая связь превратилась в брак.

Смысл решений ВЦИК не в том, чтобы установить такие отношения, какие будут годы и завтра, и через 20 лет, и во времена коммунизма. Решения ВЦИК направлены на то, чтобы дать отпор сегодняшним стремлениям обесправить женщину, чтобы обеспечить на сегодня правильные и равноправные отношения между полами.

III

В комсомольских кругах часто в почете наплевательское отношение к семье. Супруги, которые живут прочно семьей, вызывают косые ульбки. «Семейное счастье»—то же самое, что и «мешанство».

В этом отношении содер-

жатся здоровое и нездоровое начала. Семья, как таковая, в конечном счете отражает экономический уклад общества. Буржуазная семья, унаследованная нами в качестве единственно законченной и стойкой системы отношений между половами, с одной стороны, между кровными родственниками—с другой,—эта семья не является исключением. Замкнутая, стянута обручем «кумовства», узкой семейной солидарности, держащаяся, главным образом, на основе общего имущества и легко распадающаяся при имущественном разделе, она отражает строй автономных товаропроизводителей, которые выступают в хозяйстве, как совершенно независимы друг от друга единицы. Она отражает рассыпной строй товарного, буржуазного хозяйства в противовес сокрушимому строю хозяйства социалистического, в котором каждый винтик принадлежит в общую связь с осталь-

ными единным планом и единственным хозяйственным интересом.

«Человек—человеку волю!»—гласит старая пословица. Отдельный хозяйствчик видит путь к своему благополучию только через поверженные тела своих соперников. Он не видит вокруг себя никого, кроме этих соперников. Семья для этого мелкого хозяйствчика—предел солидарности интересов, предел, определяемый границами общности имущества. Национальная солидарность, воинству «дым отечества», который «сладок и приятен», но который играет лишь роль дымового завесы для самых хищнических инстинктов этого отдельного буржуза или группы буржуза, заключивших между собой такой же союз, каковой заключают волки, нападающие на добычу, непосильную для одного. Самая злостная спекуляция, самое дикое шпунтичество характерны для буржуазии времен патриотического подъема.

Победивший рабочий класс раздвинул солидарность, братские отношения, вдохновленную привязанностью к общему идеалу далеко за пределы жажды семейной скорости. Узы совершили невиданного товарищества связывают сейчас людей, не находящихся между собой ни в какой, даже отдаленной, степени родства. Совместная работа и со-

вещания к семье, какое укоренилось среди комсомольцев.

Но медаль имеет свою обратную сторону.

Разоблачив «святую святых» семьи и наполнив совершенно новыми интересами жизнь прежнего «одиночки», революция еще не привела нас к такому уровню производительных сил, который позволяет отбросить, как неценную ветошь, материальную оболочку семьи. Не всегда даже семейную кухню удается вытеснить общественной столовой. Тем более, нельзя отказаться от материальных обязательств по семейному признаку.

Отсюда ясно, в чем нездоровье начального «наплевательского» отношения в семье. Оно заключается в преждевременном стремлении переложить свои материальные долги на плечи государства, в стремлении оградить себя от таких забот, которые неизбежно вытекают из общего нашего материального уровня.

IV

Трудно точно предугадать, в какие формы выльются брак и семья в коммунистическом обществе. Некоторые, чесурс поспешные фантазеры, спешат проголосовать любви по «ордерам», иные предсказывают полную беспорядочности в половых отношениях, и все это при одобрительном негодовании буржуазии. С точки зрения исторической трудно негодовать даже против этой формы, ибо она уже имела место в прошлом, и никаким образом тогдашние первобытные общины не страдали так от половых излишеств и извращений, как нынешнее буржуазное общество.

Можно, однако, предположить, более согласно с нашими теперешними взглядами на брак, что брак будет длительным парным сожительством.

Одно совершенно ясно, что материальные скрепы брака исчезнут. Дети уже не будут держать на привязи супругов. Нетрудоспособные члены семьи будут содействовать всем обществом, а не индивидуальными усилиями их родственников. Падение перегородок между семьями, исчезновение ограниченности круга знакомств, благодаря устранению всяких формальностей и узости взгляда, широкое общение на работе и отдыхе народных масс,—все это, вероятно, низведет до нуля роль семьи и так называемого, семейного очага.

Но это музыка будущего.

Теперешняя задача состоит в том, чтобы, не забегая вперед, устранить из семейных и брачных отношений собственную закваску, но сохранять материальную взаимную ответственность перед обществом. Без этого семейный развал будет взваливать на общество только излишние накладные расходы, отвлекающие средства от гораздо более насущных и никак непереложимых на отдельных лиц расходов по индустриализации страны и ее культурному подъему, ведущим нас к коммунизму, а, значит, и к коммунистической переделке семьи.

Регистрация является бесспорным доказательством брака. Молодожены в ЗАГСе.

О СКАРЛАТИНЕ

Прив.-доц. МЕЛИК-ПАШАЕВ

СНОВА Москва и Московская губерния стоят перед фактом несомненной вспышки скарлатинозной эпидемии. Вслед за не большим затишьем в летние месяцы, число заболеваний с начала осени резко пошло в гору скачками от недели к неделе и по размерам эпидемии напоминает нам грозный 1924 год, когда мы имели наибольшую вспышку скарлатины, не щадившую ни грудных детей, ни взрослых.

В дореволюционное время число заболеваний скарлатиной достигало также высокого уровня, при чем наибольшая вспышка была губернией. В настоящем году наибольшее число заболеваний приходится на город; это должно отчасти найти объяснение в скученности и тесноте. За 9 месяцев, включающих лето и весну, мы имеем уже 8.217 заболеваний, что дает нам основание ожидать сильной вспышки ее в зимние месяцы; при этом эпидемия этой зимы может превзойти эпидемию 1924 года. И, однако, несмотря на это, мы не имеем никаких оснований для преувеличения страхов, тем более, что формы болезни значительно слабее и % смертности значительно ниже.

Так, в 1925 году было госпитализировано в Москве 12.875 ч., из коих погибло от скарлатины 1.131, что составляет 8,7% всех заболевших, в то время как из 8.653 госпитализированных в течение настоящего года умерло 580 человек, или только 6,7% всех заболевших. Заболевание скарлатиной с первого же дня протекает довольно тяжело—температура с первых дней достигает 38,5—39,5°,альной мечется, у него может быть однократная или двухкратная рвота, через день появляется сыпь—мелкими точечками, которая местами сливаются, захватывая также лицо, которое представляется весьма характерным по контрасту между яркой краснотой щек и всего лица с мраморной бледностью губ, крыльев носа и подбородка. Обычно сыпь держится от 4 до 6 дней, после чего постепенно исчезает. Потни неизбежным спут-

ником всякого скарлатинозного заболевания является скарлатинозная ангин, которая в некоторых случаях отличается тяжелым течением, напоминающим дифтеретическое заболевание.

Болезнь горла и высокая температура продолжаются обычно от 8 до 12 дней, после чего температура обычно падает, если болезнь не осложнится каким-нибудь присоединившимся воспалением, каковы воспаление среднего и внутреннего уха, почек, сердца и т. д. Только что перечисленные осложнения могут возникнуть как в течение всего острого периода болезни, так и в последующие 3 даже 4 недели, вот почему больной должен в течение всех 6 недель находиться в условиях больничной обстановки, надлежащего ухода, диеты и неослабного врачебного наблюдения.

Скарлатина, возбудитель которой, несмотря на старания ряда ученых, до сих пор не открыт, относится к заразным, довольно прилипчивым и легко передаваемым от одного к другому заболеваниям. И комната, в которой находился больной, экипаж, в котором его перевозили, одежда, вещи, игрушки, книги, даже пищевые вещества, как молоко и проч.,—представляют величайшую опасность и угрозу для здоровья окружающих не только в разгар болезни, но также и даже, пожалуй, особенно в период выздоровления и الشелушения, которое является наиболее опасным периодом в смысле заразительности.

Вот почему с первых же дней выявления болезни больные должны быть госпитализированы, т. е. помещены в надлежащие оборудованные и обслуживающие заразные больницы. Ни один скарлатинозный больной не должен оставаться дома.

Братья и сестры больного, а равно и все обиравшиеся с заболевшим дети должны выдерживаться от 10 до 14 дней дома, ибо скрытый период болезни мо-

жет продолжаться в среднем 8—12 дней, по помещении больного в госпиталь необходимо позаботиться о надлежащей дезинфекции (парами формалина, убывающего заразное начало скарлатины для чего необходимо вызвать районного или участкового санитарного врача, нарядом и заданием которого специальные отряды дезинфекторов в течение одного дня производят надлежащую дезинфекцию).

В заключение считаем нужным указать, что, несмотря на то, что мы до сих пор еще не сумели открыть возбудителя скарлатины, в нашем распоряжении имеются ценные изобретения для предупреждения и лечения скарлатины. Мы имеем в виду скарлатинозные сыворотки—противофибриническую, предохраняющую от заболевания и лечебную сыворотку, прерывающую болезнь в несколько дней и, что интереснее всего, предохраняющую от различного рода тяжелых осложнений.

Значение предупредительной скарлатинозной сыворотки, которая в последние годы применяется в школах, детских и проч., предохраняет в большинстве случаев от заражения, и в тех случаях, где, несмотря на прививки, все же заболевают скарлатиной—болезнь протекает в легкой форме и почти без всяких осложнений. Так, на 1.000 детей непривитых заболевает 18,7 человек, а на то же число привитых—только 5,8, т. е. заболеваемость почти в 3 раза меньше у привитых, по сравнению с непривитыми. Смертность у непривитых на 1.000 детей—1,8, а на 1.000 привитых—только 0,05, т. е. смертность меньше в 35 раз. Прививки производятся обычно транквилизацей и сохраняют свое действие в течение года. Еще более эффективное действие лечебной сыворотки (Диковская), предупреждающей болезнь, предохраняющей от осложнений, особенно в тех случаях, где она была применена не позднее 2—3 дней от начала заболевания. Сыворотка эта имеет один недостаток—это тяжелая, повторяющаяся высыпание (крапивница) и зудом.

НАЛЕВО—Впрysкивание предохранительной скарлатинозной сыворотки. НАПРАВО—Ждут очереди к врачу для прививки.

ХЛЕБНЫЙ ЗАВОД

П. ЛОПАТИН

ОЖИВШИЙ ЛОЗУНГ

На Серпуховской площади, там, где склоняются лучи многих улиц Замоскворечья, стоит двухэтажный призматичный дом. В нем нет ничего примечательного — в этом покрашен в светлую дешевенскую краску дом, каких тысячи в Москве.

Не заметите его, проходя мимо; даже самой плохой вывески нет на его фасаде. И когда берешься за ручку двери, невольно зарадывается сомнение: да неужели здесь, в этом скромном доме может быть тот самый механизированный хлебный завод, о котором так много говорят в Москве?

А когда через час выходишь на звенящую трамвайную остановку Серпуховской площади, этот скромный дом уже кажется обнаженным. Ее внешность простота и скромность делаются «общением приятных»: там臭 и засиял один из наших лозунгов:

— Механизм производства.

ТО, НА СМЕНУ ЧЕМУ ПРИШЕЛ ХЛЕБНЫЙ ЗАВОД

Мы приходилось бывать в московских хлебопекарнях. Как правило — душные, полуподвалные помещения. Летом и осенью, зимой и весной, днем и ночью... всегда дурманящая жара и едокое и противное — смесь дыма с сухой мучной пылью... что пекарь в насмешку зовут «воздухом».

Норма: 9 человек должны в день приготовить 130 пудов черного хлеба. А для этого надо часами, согнувшись, стоять над кипящими и чесущими хлебом. От напряжения устают руки, мука заливает ноздри, низко, тесно, жарко, невозможно дышать, неудержимо тянет на свежий воздух. Но свежий воздух после жаркой духоты пекарни всегда холодаен, и легкие отказываются работать.

Неудивительно, что профессиональная большая пекаря — чахотка.

Но не надо даже знать обстановку обычной хлебопекарни, чтобы чем-то далеко неизвестным, новым и радостным показалась работа этого хлебного завода.

ТЕПЛЫЙ ДУШ И БЕЛАЯ ПРОЗОДЕЖДА

Я случайно попал на завод: приходила новая смена. Вместе с ней я поднялся на второй этаж. Словно ряды шкафов, а в них — аккуратно сложенная белая прозодежда: шаровары, руты, фартуки и колпаки. Печка. По своей чистоте она не уступает баням первого разряда. И туго-теплые душини. Только принял их и переоделся во все белое и чистое, рабочие спускаются вниз, в помещение завода. По окончании работы — это процедура.

Это первое впечатление так поражает, что невольно и от дальнейшего ждешь чего-то особенного. И действительно, весь завод от начала до конца, от этой разделочки и теплого душа до громадного месильного кулака и хлебных станков, безупречно, необычен...

Надо по порядку.

НАЧАЛО МУЧНОГО МЫТАРСТВА

Весь путь от муки к готовому черному, пышному хлебу проделяют наши советские машины «Мельстрой».

Сначала мука в мешках попадает в кладовую и высывается в колодцы — мучные ямы. В колодец упирается деревянная труба, уходящая

в потолок. По трубе бесперебойно движутся ящики. Один за другим круглые сутки захватывают они муку и тащат ее вверх.

Мука, попавшая на верхний этаж, механизмы выгружаются, а пустые ящики снова ползут вниз, чтобы снова и снова захватить муку вверх.

Но эта мука еще не может идти в производство: в ней — нитки из мешков, гвозди, камешки, цепи. Ее надо очистить. И эту работу проделывает машина, пропуская муку через чистое сито.

Теперь материал готов. Начинается работа хлебных «станков».

ХЛЕБНЫЙ СТАНОК

По глазам цветастому полу на низких колесиках подкатывают к стене громадные металлические ковши-вагонетки. $-22\frac{1}{2}$ пуда теста имеется в себе одна такая кашница.

Ее быстро прикрепляют к станку, несколько секунд весят с белым полотняным хоботом, спускающимися с потолка, над кашницей, и нажимают кнопку. Хобот мгновенно вздрагивает, упружиняется: по нему слегка смешается в кашницу чистая мука.

Поворот рычага — и из трубы льется в кашницу мякиш. Поворот второго рычага — и туда же с шумом ворвивается холодная вода.

Две, самое большее три, минуты нужны для того, чтобы кашница, поднявшись на пологий склон, ворвась в воду и муку.

Тогда снова поворот рычага — и хлебный станок юзается большой блестящей стальной кулачком опускается в это хлопающее месиво... Все быстрее и быстрее становятся движения кулака. Под его сильными толчками сначала шуршит мука, потом, как-то незаметно, быстро мука и вода превращаются в комья и сливаются легкий свист: это готовое тесто засвистело под неугомонным кулаком.

Хлеб, испеченный на хлебном заводе

И в результате: $22\frac{1}{2}$ пуда теста готово в 9 минут при обслуживании станка одним рабочим, который только регулирует его работу, поворачивая рычаги и нажимая кнопки.

Механическая кашница в работе

«ГАНЦКЛАСС ЭТО, МИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, А НЕ ПЕКАРЬ»

Готовая вагонетка откатывается от станка и поддается к формовочной машине. Та ее отверстие бросается в тесто, оно прессуется там и томится, плотной колбасой выпадает из ее отверстия. К отверстию подставляют формочки, и в 2 минуты наполняются тестом 4 формочки.

Следующая стадия работы — выпечка.

Видуально печальное производство: печи, чистые, блестящие, с закрытыми чугунными дверьми, два яруса в each внизу широкими дверцами.

Бесшумно из печи выкатывается из кованых громадных платформ, пеличиной с хороший железноводский вагон. Быстро она наполняется черными шерингами форм с тестом и также бесшумно скрывается в темной пещи гигантской печи.

Захлопываются печи, и час сорок пять минут остаются формы в печи. Белый термометр показывает температуру: 225 градусов.

За сутки одна печь выпекает 540 пудов, а всего завод за день дает 3.000 пудов хлеба, хлеба, которому почти не прискальзала рука человека.

Кругом — простояния, снеговая зала, умеренно теплая, ровная температура, мерный гул электрических моторов и белые костюмы рабочих.

Недаром провожавший меня на заводе старик пекарь шутливо пробормотал:

— Ганцклас это, милый человек, а не пекарь.

НАПРАВО — Тесто выходит из формовочной машины; НАЛЕВО — Очищка платформы с тестом в печь

ВОЛЧИЙ БИЛЕТ

М. КАМЧАДАЛ. Иллюстрации ЗОТОВА

День был торжественный. Сережа Георгиевский с би-рался в отель, и секретарь ячейки, тов. Хромов, по этому случаю о пределе спло-нервничал:

— Чорт возьми! Такой парень уходит из ячейки! Надо как-нибудь отбить... Правда, я ему устроил? Адрес неизвестности? Митя, обратился он к члену бюро, — завтра Сережка уезжает, — вносит предложение, как бы отмыть его с езды.

Митя думал недолго и сказал:

— Чтож, давай устроим экстренное собра-ние ячейки, скажем каждый по нескольку про-шальных слов... Будем, так сказать, чествовать Сережку.

— Пожалуй, это — дело, — согласился Хромов. — И знаешь, еще что?! Выдадим ему аттеста-цию. Всё-таки на новом месте крепкая бу-мажка может основательно помочь.

— Это верно! — согласился Митя. — Ну, в та-ком случае, ты составляй бумагу, я ее со-образи.

— Есть такое дело, — сказал Хромов и, при-двинув к себе бумагу, начал спирено грызть химически карандаш. Когда на кончике подчи-зованного языка Хромов почувствовал кисло-ватый вкус растворившегося графита, он начал писать:

«Дана настоящая аттестация Кировоградской ячейкой ВЛКСМ, Калужской губернии, Тару-ского уезда, Богдановичской волости, гр. села Ни-кольского — Сергею Ивановичу Георгиевскому — 18 лет... в том...»

Тут Хромов остановился, уперся с разгону в бумагу и спросил себя:

— В чем?

Еще раз обвел карандашом последние слова, еще погрыз карандаш и — с блескунами в глазах искрой мысли — продолжил без остановки:

«что он, Георгиевский, все время живя среди нас, его дорогих друзей — молодежи, был... (чем он был)... честным, благородным, благовоспитанным молодым человеком, никогда ни в чем дурном, или больше — роницким достоинство чи-ловека, никем, нигде не был захвачен».

Гм! Неплохо, однако, получается! — с удо-вольствием констатировал Хромов и сказал вслух: — Погоди, браток, сейчас мы тебе зави-тили.

Хромов направил под собой стул, придвинул вплотную к столу и, уже окончательно уронивши счастье и чувства внизенный пралин конфетой к Сережке нежности, принялся строчить дальше:

«Всегда был первым борцом за идею социа-лизма и диктатуру пролетариата; отличался (чем, Сережка, отличался?)... находчивостью в убежде-ниях, проведении нравственных началь и про-вещения в изнанке народных пролетарских масс, инициатор и боец против религиозных предрас-судков, одурманивающих сознание молодого по-кления тружеников, всегда был беспримерным борцом против капитала и юным строителем социалистического общества — без виды экспло-ататоров, капитала и хозяев, соединяя все угнетенные народы в одну другую семью — комму-нуму, семью...»

Далеко пойдет Сережка с таким документом! — подумнул сам себе Хромов и в порыве величания решил прибавить:

«Георгиевский, С. И., наш дорогой друг, това-рищ и неоцененный работник среди нас, дружел, провозив всевозможных мер среди пролетарских масс России в политики просвещения, труда и вообще социалистических началь, целиком при-зывает программу и тактику ВКП (б) и является честным работником и проводником всех ее, т.е. партии ВКП(б), распоряжений».

Хромов кончил, откинулся облегченно на спинку стула, закурил, поплевал липкой слюной и, пробежав с удовлетворением написанное, вздохнул: «Митя!»

— Ну, слушай, — сказал он и с чувством про-декламировал всю бумагу от начала до конца.

— М-м-да, — промычал Митя. — ...но слиш-ком ты его, браток, расписал!

— Ересь, — убедительно сказал Хромов. — Кашу маслом не испортить!

Митя ничего не ответил и отнес печатать аттестацию на машинке.

На станцию ребята собрались часа за два до отхода поезда, и так как уже до этого все слова, собственно, были сказаны, то чувствовалась специфическая предотечная неловкость за мал чение.

Через каждые пять минут кто-нибудь под-ходил к Сереже Георгиевскому и говорил:

— Ну, ты... того, смотри, пиши. Не забывай братца!

— Если станешь там, в Москве, этой шин-кой, не зазнавайся. Приеду — устрою! — Сережа, мысленно говорила Таня Кли-мова. — Как только приедешь в Москву и устроишься, так не забудь узнать, где машинистка нужна. И главное — пиши.

Сережка всем расточал «святые» обещания, но видел ребят в тумане. Самый факт туда, перспективы — и особенно ощущаемая сквозь оде-ежду бумага в левом боковом кармане — кружили Сереже голову.

Наконец, пришел поезд. Ребята окликнули, вспомнили тысячу вопросов, которые надо было задать Сереже, массу напутствий, заговорили наперебой, и Сережа, не успев как следут со всеми распрощаться, вскочил в вагон, когда поезд уже трогался.

Вагоне Сережа расположился на верхней полке, подстелил налью и положил под голову куртку, предварительно вынув из бокового кармана бумагу в левом кармане с той же самой чертежом, хранился в самая большая Сережкина ценность: аттестация, вложенная аккуратно в комсомольский билет.

Лицо на соседней полке проснулось, проп-терла глаза и спросила Сережу:

— Это какая станция была?

— Кириновоэро, — отвечал Сережа и поч-муту прибавил: — праздничная!

— А вы почем знаете? — спросила девица.

— Еще бы не знать, — 18 лет прожил в этой трущобе.

— А теперь? Далеко едеть?

— В Москву! — сказал деланно-безразличным тоном Сережка.

— Учиться? — спросила девица.

— Еще не знаю! — сказал Сережа. — Прежде всего надо устроиться, а потом уж посмотрим.

— Легко дело — устроиться! — донесся чей-то голос снизу.

— Да-а, — подтвердила девица.

Ну, это как кому! — отвечал обним Се-режка, — будем пока на ногах.

Конечно, которые коммунисты или там комсомольцы... — отозвалась было гражданка, про-живавшая с примесью бутерброда.

Не скажите, — возразила девица, —ывает, что и партийные подполья без места ходят. Вот

подзатыльни

я полгода на бирже состояла, хотя за меня потал один очень крупный коммунист.

— Дело, знаете, не в хлопотах, — сказал Се-режа. — А надо себя зарекомендовать на работе общественной, надо проявлять инициативу, тогда всегда на дорогу выйдешь. Вот, например, спокойно за себя. У меня есть известные знаки отмеченные лягушкой и подкрепленные соответствующими документами.

— Ну уж... — сказал голос снизу, — тоже вагон...

— Ладно там — болт! — успокоился Сережа, вспомнив соответствующее место из своей ав-стации, прибавил: — мы и без боязни.

В Москве в районе бумаги Сережи и тали, а просто по путевку в Полиграфтеатре бумагу прочли и сказали:

— Гм. У нас для вас и работы то подходит не найдется. У нас — что? — Типография, фабри-кантин, газеты печатают — не ведите, как в вагоне, мастерская работа. Проверяйте зайти в библиотеку.

В Электротресте сказали:

— Вы сами понимаете, что никакого директора мы работу вам предложить не можем.

— Чот, и согласен! — сказал Сережа.

— Так-то оно так, но дело в том, что двор у нас есть. Тоже партийный. У него, правда нет стольких качеств, как у вас, но с рабочей спрашивается... Загляните в Наркомпрос.

В Наркомпросе секретарь заявил, что при-обретатель к самому нарукам и приглаша-ет недельку, а пока можете зайти в Сонарик.

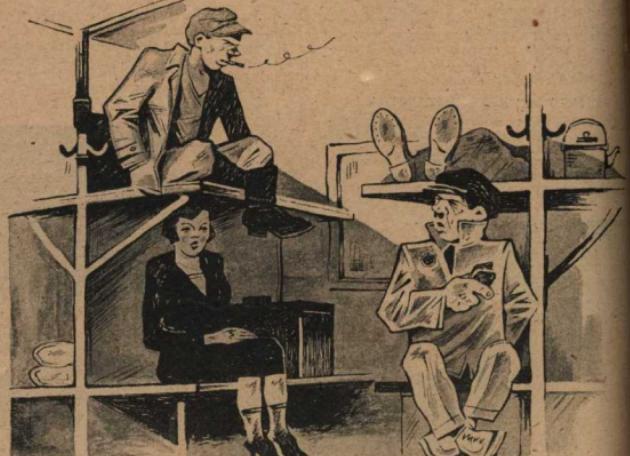
Сонарик просто не пустил: комендант-дак не оцепил аттестацию Сережи по достоинству.

Через три недели Сергей Георгиевский стоял на вокзале в ожидании поезда, должностному вернувшись его к родным местам после тех как в Москве ни одно учреждение не рискует принять на работу такого, из ряда вон выпавшего, человека.

Перебирая бумаги в кармане, Сережа за-тикулся на свою пресловутую аттестацию и, зевнувши, разорвал ее на мелкие кусочки, бросил бумаги в угол и направился к выходу, в это время егостановил монументальный шап-пар и вручил ему континент на три рубли с крохами.

— За — и спросил в изумлении Сережа, — национальную чисто-бумажную изве-тили шап-пар! — Для масуру имеются уро-ды в угол бумаги кончили...

И в первый раз в жизни, нарушил свой спектакль Хромомыши «благовоспитанность», Сережа смачно выругался.

— Конечно, которые коммунисты или там комсомольцы... — отозвалась было господин, произвиде-ший бутерброд.